№ 2 (23) **2014**

Мы и право
Научно-практический журнал
Издается с декабря 2008 года

Соучредители: *Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»,*
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт».

Главный редактор: *В. А. Юсупов, доктор юридических наук, профессор.*

Редакционная коллегия:
Дерюгина Т. В., ректор НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт», доктор юридических наук, профессор, член Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;
Иншакова А. О., заведующий кафедрой гражданского и международного частного права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», доктор юридических наук, профессор, член Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;
Маликов Е. Ю., председатель Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», член Общественной палаты Волгоградской области, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт»;
Филиппов П. М., председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ответственный редактор: *М. О. Каррыев.*

За содержание и достоверность материалов статей редакция ответственности не несет.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адреса соучредителей: Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»: 400001 Волгоград, ул. Профсоюзная, д. 15А,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт»: 400119 Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. 25-летия Октября, д. 1, стр. 2.
Адрес редакции: *400011 г. Волгоград, проспект Университетский, 64,*
Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
Тел.: (8442) 46-68-42.
E-mail: izdviesp@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 34-00585 от 15 апреля 2014 года.

© Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2014
© Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт», 2014
© Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский институт экономики, социологии и права», 2014

Е. С. Азарова, М. Л. Репкин

ПРИМЕНЕНИЕ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКАЗЫВАНИЯ МЕРАМИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОНУЖДЕНИЯ

Одним из условий принятия по уголовному делу законного и обоснованного решения является установление происшедшего события так, как оно имело место в действительности, поэтому процесс доказывания по уголовному делу невозможно представить без его содержательной составляющей – доказательств, так как проблема применения доказательств должна исследоваться в комплексе с вопросом об их применении в различных уголовно-процессуальных институтах.

В настоящее время в российской теории доказательств непосредственно используется принцип свободы оценки доказательств, в том числе и их источников; оценка производится по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств, руководствуясь законом и правоприменительным усмотрением.

Для категории «оценка» характерны два смысла: обозначение процесса, действия, в результате которого возникает мнение, суждение и обозначение результата такого процесса в виде оценочной категории или оценочного суждения. В уголовно-процессуальном праве эта категория приобретает свое специфическое значение, представляя собой одновременно как процесс, так и результат выражения субъектом своего мнения, суждения о таких качествах отдельного доказательства, как относимость, допустимость, достоверность для их совокупности-достаточности, либо о значении того или иного обстоятельства уголовного дела для установления истины.

Механизм оценки состоит в том, что субъект познает свойства объекта, составляющие его ценность, то есть значимость, полезность для решения каких-либо задач, стоящих перед субъектом, путем его мысленного сопоставления с определенными ценностными установками.

В уголовно-процессуальной оценке выделяется три элемента: 1) информационный; 2) логический; 3) психологический. Информационный элемент связан с переработкой и накоплением информации, характеризует оценку как способ приобретения нового знания. Логический элемент представляет оценку как мыслительную деятельность, осуществляемую в соответствии с основными законами формальной логики и связанную с суждением о ценности доказательственной информации. Психологический элемент непосредственно связан с формированием внутреннего убеждения познающего субъекта, влиянием его правового знания и правоприменительных установок на данный процесс. Оценка есть длящийся процесс, который завершается лишь в момент формулирования окончательных выводов по делу на основе всей совокупности собранных доказательств. Окончательная оценка соединяет в себе целую систе-

му оценок разного уровня и происхождения. Таким образом, оценка доказательств и их источников является завершающим элементом доказывания.

Понимание цели оценки доказательств и их источников как установление истины по уголовному делу и необходимость ее закрепления в законе приобретает особое значение в связи с тем, что законодатель при создании действующего УПК РФ исключил установление истины из задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Кроме того, представляется, что употребляемая законодателем в ст. 17 УПК РФ категория «совесть» требует исключения из данной нормы, так как не является составной частью внутреннего убеждения и требует замены на усмотрение.

Содержание оценки в процессе доказывания составляют следующие признаки:

1) оценка производится по внутреннему убеждению;

2) внутреннее убеждение должно основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств;

3) при оценке доказательств и их источников надлежит руководствоваться законом и правоприменительным усмотрением;

4) каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для усмотрения при разрешения уголовного дела.

Суд – субъект исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. К его компетенциям относят, в частности, определение роли суда в процессе доказывания, вопросы проведения судебного следствия (в частности, вопросы планирования и методики его проведения).

Невозможно полностью отрицать активность суда в судебном следствии, так как суд, по собственной инициативе истребуя доказательства, обеспечивает выполнение функции правосудия. Суд обязан вынести по делу законный, обоснованный и справедливый приговор. В том случае, если сторонами представлено недостаточно доказательств для обоснования решения (вынесения обвинительного или оправдательного приговора) по делу, суд может по своему усмотрению истребовать и исследовать доказательства.

Рассматривая проблему участия суда в доказывании обстоятельств уголовного дела, можно прийти к выводу о невозможности в условиях состязательного судопроизводства наделения суда полномочиями по планированию судебного следствия. В советский период планированию судебного следствия уделялось достаточно много внимания по причине необходимости отыскания по каждому уголовному делу объективной истины, но уголовно-процессуальный кодекс РФ не требует от суда подобных действий.

Оценка доказательств осуществляется на всем протяжении производства по уголовному делу не только в процессе предварительного расследования, но и при судебном разбирательстве уголовных дел.

Значение принципа свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению в доказывании состоит в обосновании необходимости проведения некоторой корректировки сущности и нормативного содержания принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению с учетом последних достижений уголовно-процессуальной науки.

Главным условием принятия по уголовному делу законного и обоснованного решения является установление происшедшего события так, как оно имело место в действительности. Невыполнение данного требования неизбежно приводит к явной либо завуалированной ошибке, поэтому судебная практика в последнее время чаще использует в качестве основы разрешения уголовных дел институт судебного усмотрения. Причин этому немало, но главная из них состоит в том, что бурное развитие законотворчества в Российской Федерации существенно осложняет, а порой и просто делает невозможным детальное законодательное регламентирование действий суда во всех без исключения случаях.

Спецификой проблемы судебного усмотрения, полагаем, является то, что сама по себе она представляет достаточно сложное средоточие как ряда вопросов отраслевых наук, так и вопросов общей теории права. Поэтому не выглядит случайным то обстоятельство, что некоторые из авторов, занимавшихся данной проблемой, в итоге приходили к проблематике свобо-

ды, обращались как к общим вопросам правоприменения, так и к целому ряду чисто материально-правовых проблем. Действительно, проблема судебного усмотрения не может являться исключительно процессуальной уже хотя бы потому, что непосредственно связана с процессом правоприменения, с практической деятельностью суда, в которой всегда находят отражение не только господствующие теории, но и некоторые реально существующие подходы к судебной деятельности.

К целям судебного усмотрения можно отнести следующие: конкретизация взаимных прав и обязанностей конкретных субъектов в определенном правоотношении; определение нормы права, которая будет применена к установленным судом фактическим отношениям между конкретными субъектами; разрешение вопросов, связанных со способностью определенных лиц быть участниками правоотношений.

В то же время любой принимаемый на основе усмотрения правоприменительный акт должен преследовать хотя бы одну из этих целей.

При судебном усмотрении назначение мотивов состоит в придании определенным фактам юридической значимости и в конкретном соотнесении установленных обстоятельств с возможными вариантами правоприменительного акта.

Выделяются две основные группы мотивов, при помощи которых на основе своего усмотрения правоприменителем принимается акт:

1) мотивы, основанные на традиционных подходах к разрешению уголовно-процессуальных вопросов (справедливость, разумность, целесообразность);

2) мотивы, представляющие собой конкретные приоритетные начала в правовом регламентировании определенной сферы отношений.

Для материальных отраслей при множественности мотивов обозначается лишь общий подход: в отношениях, складывающихся между субъектами, целью деятельности которых является обеспечение государственного интереса, на первый план должны выходить те мотивы, которые наиболее полно учитывают данный интерес; в отношениях, связанных с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности, предпочтение должно отдаваться тем мотивам, в основе которых лежит нравственное начало. При этом в качестве специального правила для разрешения вопросов, связанных с применением правовых санкций к виновным субъектам, должен использоваться исключительно мотив справедливости.

В то же время в тех нормах уголовно-процессуального права, которые допускают судебное усмотрение, надлежит использовать исключительно мотив целесообразности. Вместе с тем имеется определенная группа процессуальных норм, в которых приходится отступать от указанного подхода и использовать принцип справедливости. Речь идет о нормах, которые предусматриваются в пользу государства, а равно лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих правосудию.

Большинство упоминаний о судебном усмотрении (в том числе и в дореволюционных источниках) связано с комментированием и толкованием определенных правовых норм. Зачастую такие упоминания вовсе сводятся к констатации факта наличия в той или иной норме судебного усмотрения. Еще в 1877 году российский юрист С. В. Пахман, исследуя обычное право Российской Империи, применительно к практике определения размера неустойки указывал, что «... при отсутствии о том какого-либо условия, она (неустойка) определяется судом. Это видно из приведенных заявлений, что неустойка налагается “по усмотрению суда”»[1].

Советский ученый А. К. Кац пришла к выводу, что судебное усмотрение возможно только при применении диспозитивных норм, данных в альтернативной форме. Обосновывая подобный подход, автор отмечала, что «если бы диспозитивная норма права устанавливала на случай отсутствия соглашения между сторонами лишь одно правило поведения, точное и определенное, а не альтернативное, решение не было бы вынесено на основе судебного усмотрения, ибо суд за отсутствием соглашения между сторонами применил бы данную диспозитивную норму так же, как применяет нормы императивные»[2].

---

[1] Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. – СПб, 1877. – С. 79–80.

[2] Кац А. К. Советский закон и судебное усмотрение // Практика применения гражданского процессуального права. – Свердловск, 1984. – С. 74.

С этих позиций выделяются четыре условия, при которых возникает необходимость судебного усмотрения: «а) права и обязанности остались частично не урегулированными сторонами, и в процессе их осуществления возник спор; б) в объективном праве нет ни императивных, ни диспозитивных норм, определяющих объем субъективных прав и обязанностей участников правоотношения; в) норма права предоставляет суду право самому определить содержание и объем не урегулированных сторонами прав и обязанностей; г) правовая норма в альтернативной форме предоставляет суду право выбора одного из возможных решений спора»[1].

О. А. Папкова выделила наиболее существенные признаки судебного усмотрения. «Судейское усмотрение есть урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали»[2].

В современном уголовно-процессуальном кодексе содержится значительное число правовых норм (статей), в которых решение отдельных вопросов процессуального характера, а также производство того или иного процессуального действия при прямом на то указании или по смысловому содержанию соответствующей нормы передается на усмотрение следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, прокурора или суда.

В литературе отмечается, что реализация имеющихся в УПК РФ относительно определенных норм вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности[3]. Проблемы процессуальной самостоятельности различных участников уголовного судопроизводства уже давно являются объектом пристального внимания ученых-процессуалистов. Так, некоторые авторы расценивают усмотрение как целесообразность в сфере применения закона[4]. Другие же под усмотрением понимают «известную степень свободы органа, определенную рамками закона, в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу»[5].

Усмотрением суда М. В. Бавсун признает «специфический вид судебной правоприменительной деятельности, сущность которой заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочий принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона»[6].

Следует также сказать и о соотношении понятий судейского усмотрения и внутреннего убеждения судьи. Они тесно связаны, поскольку в любом случае судья выносит решение на основе своего внутреннего убеждения, которое, в свою очередь, формируется на основе правосознания судьи.

Ни в коем случае нельзя отождествлять понятия судебного усмотрения и внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе. Основное отличие этих категорий заключается в следующем. По усмотрению судьи в допустимых пределах разрешаются вопросы применения норм процессуального и материального права, а внутреннее убеждение – это результат судебно-психологической деятельности судьи (судей) по оценке с точки зрения уголовно-процессуального закона установленных фактов и обстоятельств по уголовному делу относительно их достоверности, относимости, допустимости и достаточности для разрешения дела по существу.

---

[1] Кац А. К. Советский закон и судебное усмотрение // Практика применения гражданского процессуального права. – Свердловск, 1984.. – С. 77.

[2] Папкова О. А. Понятие судейского усмотрения. // Журнал российского права. – 1997. – № 12. – С. 107.

[3] Баглай М. В. Вступительная статья // Барак А. Судейское усмотрение. – М., 1999. – С. 4.

[4] Севастьянов А. П. Пределы судейского усмотрения при назначении наказания: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – С. 3.

[5] Хайдаров А. А. Судейское усмотрение и его пределы в судебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

[6] Бавсун М. В. Судебное усмотрение при назначении наказания и проблемы его ограничения // Журнал российского права. – 2007. – № 9. – С. 23.

Рассуждая о содержании понятия судебного усмотрения, невозможно оставить без внимания и его пределы в уголовном процессе.

Е. А. Бравилова полагает, что содержание термина «пределы судебного разбирательства» следует определять, прежде всего, исходя из этимологии и сущности слов, его образующих, а также содержания основных положений, изложенных в норме с таким названием[1]. Поэтому определение пределов судебного разбирательства подразумевает, во-первых, что судебное разбирательство проводится лишь в определенных законом правовых рамках (ст. 252 УПК РФ); во-вторых, что данные пределы установлены для всего судебного разбирательства: в суде первой и апелляционной инстанций от подготовительной части до постановления приговора. В связи с этим оправдано утверждение Т. Г. Морщаковой, полагающей, что, установив пределы судебного разбирательства, «закон <...> указывает, что может быть предметом судебного исследования и судебного решения по переданному в суд делу...»[2].

В пользу того, что установленные в ст. 252 УПК РФ границы распространяются на все судебное разбирательство, свидетельствует и такой факт, как отнесение законодателем данной нормы к общим условиям судебного разбирательства. В теории под ними принято понимать обусловленные принципами уголовного процесса основные, наиболее важные положения, которые отражают характерные черты судебного разбирательства в суде первой инстанции, действуют на всех его этапах (начиная с подготовительного и заканчивая постановлением приговора) и применяются к любым категориям уголовных дел независимо от порядка их возбуждения, производства предварительного расследования или судебного разбирательства. Таким образом, законодатель указал, что установленные законом пределы судебного разбирательства действуют не только на всех его этапах, но и во всех видах особого производства.

Часть 1 ст. 252 УПК РФ гласит: судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению. Как отмечают ученые-процессуалисты, закон ограничил судебное разбирательство по кругу лиц и содержанию обвинения.

Установленные законом пределы судебного разбирательства по кругу лиц означают, что в ходе судебного заседания могут исследоваться вопросы виновности (невиновности) исключительно субъектов, которым предъявлено обвинение в определенном законом порядке, и только их виновность (или невиновность) устанавливается приговором суда. Пределы по содержанию обвинения означают, что предметом исследования в судебном заседании является только обвинение, предъявленное лицу, в рамках которого может быть постановлен приговор. Иными словами, законодатель установил запрет на исследование в суде вопросов, связанных с новым обвинением (в другом деянии), не вмененным лицу органами предварительного расследования, и постановление приговора по данному обвинению.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующее понятие судебного усмотрения при оценке доказательств.

Судебное усмотрение при оценке доказательств в уголовном процессе – это уголовно-процессуальная деятельность суда, осуществляемая при определенной процессуальной ситуации на стадии судебного разбирательства, содержание которой заключается в выборе судом наиболее целесообразного процессуального решения в судебном следствии, логическую и судебно-психологическую деятельность суда в процессе уголовно-процессуального познания для определения относимости, допустимости, достоверности доказательства в отдельности и достаточности в их совокупности для установления истинных обстоятельств и разрешения по существу уголовного дела в интересах реализации целей и задач уголовного судопроизводства.

Процесс доказывания обстоятельств совершенного преступления неразрывно связан с применением мер принуждения в отношении участников следственных действий. Уголовно-процессуальное принуждение – это один из видов государственного принуждения, и для любого государства оно рассматривается как признак, присущий государству и праву.

---

[1] Бравилова Е. А. Пределы судебного разбирательства. – Челябинск, 2004. – С. 108.

[2] Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. – М., 2004. – С. 97.

Применение принудительных мер в уголовно-процессуальной сфере всегда связано с подавлением воли лица, однако, принуждение – необходимый элемент в механизме правового регулирования. Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение есть либо психологическое, либо материальное, либо физическое взаимодействие полномочных органов и должностных лиц государства на личность с целью обеспечения ее (личности) надлежащего поведения.

Меры уголовно-процессуального принуждения – важная составляющая часть, неотъемлемый элемент механизма обеспечения успешной реализации задач уголовного судопроизводства. Тем не менее использование любой из этих мер всегда связано с ущемлением определенных прав граждан, хотя и служит для достижения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). Вот почему большое значение имеет правомерность ограничения прав личности при применении указанных мер. Судебно-следственная практика свидетельствует, что меры принуждения применяются более жестко, чем это требуют интересы государства. В рамках доказательственного права применение мер принуждения трактуется наукой уголовного процесса как задача совершенствования уголовно-процессуального законодательства с целью придать большую эффективность принудительным процессуальным мерам, являющимся не только средством получения доказательственной информации по уголовному делу, но и неотъемлемым элементом деятельности органов предварительного расследования и суда. При этом вектор научного поиска направлен на расширение и усиление мер принуждения, упуская из виду возможность добровольности предоставления доказательственной информации участником уголовного судопроизводства.

Ограничить и оптимизировать меры процессуального принуждения возможно сокращением сферы принуждения и расширением сферы доброй воли участников доказательственного процесса. При изучении возможности расширения принципа добровольности предоставления доказательств и сокращения либо смягчения процессуальных мер принуждения выяснилось, что в доказательственном праве существует достаточное множество норм, которые не относятся законодателем к мерам принуждения, но и не могут быть отнесены к сфере принципа добровольности представления доказательственных сведений.

Например, свидетель, добросовестно желая сотрудничать со следствием, готов добровольно дать показания по делу, но в силу императивного требования закона он предупреждается под роспись об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Очевидно, что такое предупреждение закон не относит к мерам принуждения, но его нельзя рассматривать и как нейтральное, поскольку свидетель получает предупреждение, ограничивающие его свободную гражданскую позицию. Если лицо не желает давать правдивые показания, то это предупреждение действует как понудительная мера к даче достоверных показаний.

На актуальность и неисследованность проблемы применения принуждения впервые указал известный процессуалист начала XX века Л. Е. Владимиров. Он писал, что в доказательственное право входит значительная доля принуждения, падающая тяжелым, но неизбежным бременем на общество, и что оно достойно особого внимания законодательно как задача довольно трудная: «…необходимо согласить интересы правосудия с возможно большим щажением свободы и спокойствия частных лиц, несущих повинность на пользу юстиции»[1].

Неисследовательность правового института понуждения в уголовно-процессуальном доказывании теоретической и законодательной основы криминалистики, разрабатывающей теорию тактических методов, способов и приемов собирания доказательств привело к тупиковой ситуации в вопросе о понятии тактического приема, выступающего в качестве одного из базовых и центральных понятий в криминалистической тактике[2]. В. Н. Шиканов характеризует эту ситуацию более драматично: «Сложившаяся парадигма, будучи ущербной, пред-

[1] Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб, 1910. – С. 111–112.

[2] Репин А. В. К вопросу о понятии «тактического приема» допроса. Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 2–5.

определила в этом вопросе (вопросе отсутствия единого понятия “тактический прием” – прим. автора) невообразимый хаос и неразбериху взглядов»[1].

Объективные закономерности познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу позволяют сформулировать вывод, что уголовно-процессуальное доказывание есть основная форма уголовно-процессуального познания, обладающая специфическими чертами и характерными особенностями.

Целью доказывания в уголовном судопроизводстве является установление обстоятельств уголовного дела в соответствии со ст. 73 УПК. В то же время не исключается возможность достижения объективной истины (в отдельных случаях совпадающей с предметом доказывания), процессуальной (судебной, формальной), либо конвенциальной истины с учетом рассмотрения дела в порядке гл. 40 УПК.

Предмет доказывания как круг обстоятельств уголовного дела, обозначенный в ст. 73 УПК, познается и удостоверяется с помощью доказательств. Никакие средства, кроме доказательств, не могут являться основой установления обстоятельств уголовного дела.

Доказывание как деятельность, состоящая из собирания, проверки и оценки доказательств понимается как последовательно протекающая в процессуальной форме логическая и психическая деятельность субъектов уголовно-процессуального познания, неразрывно связанная с уголовно-процессуальным принуждением.

По своему целевому назначению уголовно-процессуальное принуждение призвано содействовать успешному осуществлению стоящих перед уголовно-процессуальной деятельностью задач. Уголовно-процессуальное принуждение как самостоятельный вид государственного правового принуждения состоит из четырех элементов:

1) меры уголовно-процессуальной ответственности;
2) правовосстановительные меры (меры защиты);
3) меры уголовно-процессуального принуждения;
4) меры обеспечения обнаружения, изъятия и исследования доказательств[2].

В одних случаях избрание этих мер связывают с установлением в процессе доказывания фактических данных, в других – вероятных данных, в третьих – допускают избрание отдельных мер процессуального пресечения путем, например, оценки оперативно-розыскной информации, сообщений прессы и т. п., не забывая, что избранию мер принуждения должны предшествовать предпосылки как уголовно-правовые, так и уголовно-процессуальные. В наличии должна быть совокупность таких обстоятельств, которые допускают и делают необходимым избрание и применение мер принуждения. Таким образом, основания избрания уголовно-процессуальных мер принуждения можно подразделить на материально-правовые и процессуально-правовые.

К материально-правовым основаниям избрания мер принуждения относятся наличие на данном этапе соответствующего участника процесса, к которому в соответствии с УПК РФ может быть применена мера принуждения. К процессуально-правовым основаниям относятся достоверные фактические данные о ненадлежащем поведении лица. Нельзя разрывать материально-правовые и процессуально-правовые основания избрания мер пресечения, как нельзя в данный момент рассматривать вне взаимосвязи уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. В противном случае можно прийти к выводу о возможности избрания и применения мер принуждения и к лицам, не имеющим никакого отношения к расследуемому преступлению.

Легитимное понуждение в уголовном процессе находится примерно между моментом получения от лица объяснения либо применения его в качестве понуждения до окончания исследования доказательств в стадии судебного разбирательства, а точнее до вынесения приговора, если в прениях стороны приведут факты, требующие исследования: между законными мерами понуждения, между добровольным и негативным.

---

[1] Шиканов В. Н. Тактико-криминалистический кентавр влечет негативные последствия для следственной тактики // Материалы научно-практической конференции 13–17 мая 1998 года. – Иркутск: ИГРА, 1998. – С. 56.

[2] Исаев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России. Автореф. дис…канд. юр. наук. – Уфа, 2009. – С. 9.

Под мерами процессуального понуждения в теоретическом широком смысле понимаются такие принимаемые государственными правоохранительными органами процессуальные решения или действия, которые осуществляют охранительную функцию публичных прав и интересов путем ограничения части конституционных прав и свобод граждан – участников уголовного процесса и понуждения их независимо от субъективного волеизъявления к выполнению своих конституционных обязанностей на всех стадиях уголовного процесса.

Меры уголовно-процессуального понуждения – это примененные органами предварительного расследования или судом нормы уголовного и уголовно-процессуального закона к участнику уголовно-процессуальных отношений, понуждающие его способствовать установлению доказательств с целью обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и реализации его основных начал.

Первым аспектом является определение мер уголовно-процессуального понуждения как социального явления, которое характеризуется общественно-государственной потребностью, важностью достижения целей и выполнения назначения уголовного судопроизводства. Понуждение – это способ воздействия уполномоченных субъектов уголовного процесса с целью оказать определенное воздействие на действия участников правоотношений. Таким образом, понуждение, как и принуждение, «может выступать в качестве объективной необходимости и действовать в различных социальных связях, оно есть необходимый элемент всякого человеческого общества»[1].

Применение мер понуждения необходимо осуществлять также с позиций гуманистического принципа социальной деятельности вообще и в частности с позиций общечеловеческих ценностей. Так, З. Д. Еникеев справедливо указывает, что российское уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться и развиваться по пути повышения уровня правовой защищенности личности, общественных и государственных интересов[2].

С точки зрения истории необходимо отметить, что, например, знаменитая реформа М. М. Сперанского нашла свое отражение в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в которых подчеркивался гуманитарный и воспитательный характер принятых нормативных актов. В 1876 году высочайшим указом его Императорского Величества в России издается первый специальный нормативный акт – Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений[3]. Применение мер уголовно-процессуального понуждения должны применяться, прежде всего, с позиций значения гуманистической идеи в обществе и государстве. Как отмечает академик В. С. Нерсесянц, в сфере уголовного права и правосудия невозможно идти к гуманизации наказания, минуя право и отказываясь от его принципиальных требований; более того, последовательное утверждение принципов права и есть сегодня реальный гуманизм[4].

Второй аспект, характеризующий меры уголовно-процессуального понуждения, состоит в определении их процессуального правовой природы:

1) если меры уголовно-процессуального принуждения применяются в ходе досудебного производства, то вполне оправданно говорить о реализации также мер понуждения уголовного судопроизводства, т. е. требования к участникам процесса в их содействии в поисках установления истины;

2) меры принуждения по своему характеру являются превентивными мерами. С помощью этих средств компетентными органами и должностными лицами обеспечивается надлежащее поведение лиц, к которым также могут применяться иные меры уголовно-

---

[1] См. Лившиц Ю. Д., Ткачева Н. В. Социальная обусловленность института мер пресечения //Лившиц Ю. Д. Сборник научных трудов. – Челябинск, 2004. – С. 172.

[2] См.: Еникеев З. Д. Конституционные основы принципа публичности и проблемы его реализации в современном уголовном процессе // Современные проблемы публично-правового и частно-правового регулирования: теория и практика: материалы международной конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 9.

[3] См.: Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., Проспект, 2000. – С. 259; Сидоркин А. И. Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве IX-XVII вв. – Казань, 2004. – С. 30.

[4] См.: Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: НОРМА, 2005. – С. 496.

процессуального принуждения. В отличие от мер уголовно-процессуального принуждения, которые могут применяться только к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, меры понуждения имеют другую правовую природу. Их сущность состоит в выполнении определенной цели, т. е. рассматриваемые меры могут выступать как средство обеспечения собирания доказательств (понуждение к даче правдивых показаний, к выполнению экспертом не ложного заключения и т. п.).

Третий аспект – это наличие системы уголовно-процессуальных мер понуждения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволяет выделить целую систему этих мер (которые можно отнести к мерам понуждения): обязательство давать правдивые показания под угрозой уголовного преследования, задержание подозреваемого лица, освидетельствование, дача экспертом заключения.

Учитывая изложенную выше совокупность признаков мер процессуального понуждения, их можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры понудительного характера, применяемые определенными государственными органами в отношении строго регламентированного круга лиц для устранения возможных препятствий, возникающих в процессе собирания, фиксации исследования и оценки доказательств по уголовным делам, в целях обеспечения успешного осуществления главной задачи уголовного процесса – установления истины.

При этом процессуальное понуждение в ряде случаев выступает в качестве важного и даже системообразующего звена в совокупности мер, обеспечивающих доказывание преступления, проведение процесса судебного разбирательства, которые тесно связаны с применением судебного усмотрения, как связки между доказыванием и усмотрением при оценке доказательств.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что судебное усмотрение применяется не только при оценке доказательств, но и при применении мер уголовно-процессуального принуждения и понуждения для обеспечения процесса доказывания на стадии судебного разбирательства.

А. Ю. Белоножкин

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Субъективное гражданское право как правовая категория длительное время приковывала внимание ученых и исследователей в области правовой науки и практики. Даже краткий обзор теорий субъективного права показывает, что высказанные точки зрения охватывают собой самые различные аспекты субъективного права и часто находятся по отношению друг к другу в непримиримом противоречии[1].

Как известно, представители школы естественного права под субъективными правами понимали естественные и прирожденные свойства личности, которые не создаются, а лишь признаются и подтверждаются нормами положительного законодательства[2].

Известность получила волевая теория субъективного права, основоположником которой является Фридрих Карл фон Савиньи, отмечавший, что правовое «состояние представляется нам прежде всего как принадлежащая отдельному лицу власть (Macht): область, в которой господствует его воля и притом господствует с нашего согласия. Эту власть мы называем правом конкретного лица, что равнозначно с правомочием (Befugniss). Некоторые называют его правом в субъективном смысле»[3].

Последователь учения Савиньи – Бернгард Виндшейд – определял субъективное право в несколько иной формулировке: «Право есть предоставленная правопорядком власть воли или господство воли», а «требуемая в субъективном праве воля есть только воля правопорядка, а не воля управомоченного»[4]. По его мнению, субъективное право представляет собой своеобразный приказ, который издается объективным правопорядком и вручается отдельной личности в ее свободное распоряжение как пожалованную государством власть или господство, свободу или дозволенность воли в пределах, установленных законом[5].

Теория воли была подвергнута критике, основанной на следующих аргументах. Во-первых, она не учитывает, что в качестве носителей прав могут выступать лица правоспособные, но лишенные воли, например, малолетние и душевнобольные лица. Во-вторых, сама воля, понимаемая как желание, то есть воля в психологическом смысле, не может быть ограничена объективным правом. Как указал Г. Ф. Шершеневич, желать можно беспредельно, нельзя только осуществлять свою волю в действиях[6]. В-третьих, учитывая, что согласно теории воли, волей общества как нормой права одобряются все действия лица в рамках субъективного права, непонятно, каким образом такие действия будут одобрены, если они соответствуют нормам права, но не соответствуют нравственным нормам[7].

На смену волевой теории пришла теория интереса, основоположником которой считается Рудольф фон Иеринг. Смысл теории интереса заключается в том, что право существует не для того, чтобы осуществить идею абстрактной правовой воли, а для того, чтобы служить интересам, потребностям, целям гражданского оборота[8]. Субъективное право понимается сторонниками теории интереса в качестве юридически защищенного интереса[9].

---

[1] См: Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград: ВА МВД России, 2009.

[2] См.: Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – С. 554.

[3] Savigny F. C. System des heutigen Romishen Rechts. I Bd., 1840. – P. 7 (цит. по: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.; Л., 1948. – С. 36; Венедиктов А. В.. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. – М.: Статут, 2004. – С. 40).

[4] См.: Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrecht. I Bd., 1906. – P. 156–158.

[5] См.: Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts, 1987. – P. 99.

[6] Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. – М., 1995. – С. 195.

[7] См: Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914. – С. 440.

[8] Jhering R. Geist der romischen Rechts auf den verschidenen Stufen seiner Entwicklung. Teil III, 1865. – P. 327 (см.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. – С. 196).

[9] Там же. – P. 316–317, 327 (см.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.; Л., 1948. – С. 36–37).

Данная теория также встретила возражения в юридической литературе. Так, И. В. Михайловский отметил, что наши права и наши интересы – вещи разные: сплошь и рядом можно иметь огромный интерес в чем-либо и не иметь на это никакого права. Напротив, можно иметь какое-нибудь право, не только не приносящее обладателю никакой пользы, но даже нарушающее его интересы[1]. Другие авторы отмечают, что «интерес – это только цель, а не сущность права, что право – лишь средство обеспечения или охраны интересов»[2].

Наряду с теорией воли и теорией интереса в науке гражданского права выделяют также теорию свободы, смысл которой сводится к тому, что право в субъективном смысле есть та сфера внешней свободы, которая отводится отдельному лицу нормами права[3].

Распространение получили так называемые комбинационные теории, совмещающие положения теории воли и теории интереса. Например, немецкий юрист Еллинек под субъективным правом понимает признанную и защищенную правопорядком власть человеческой воли, направленную на какое-либо благо или интерес[4].

И. В. Михайловский считает, что теория воли верна, поскольку осуществление субъективного права зависит от воли управомоченного, а теория интереса верна, поскольку субъективное право является средством для осуществления определенного интереса[5].

В юридической литературе критика комбинационных теорий сводится к тому, что «они просто механически соединяют теории воли и интереса, принося в жертву исходные начала обеих концепций, а именно мысль о “точке отсчета” системы права»[6].

Науке гражданского права известны также теории, смысл которых состоит в отрицании категории субъективного права. Так, известность получила психологическая теория права, согласно которой субъективные права определяются как своеобразное психическое переживание, порождающее императивно-атрибутивные эмоции на стороне обязанных лиц[7].

По мнению Л. Дюги, государство в его прежнем понимании перестало существовать, уступив место новой общественной организации, каждый из членов которой выполняет определенную обязанность, функцию в интересах общественного целого, а тем самым и в своих собственных интересах. У членов новой организации «нет прав, как нет их и у коллективности, но все индивиды обязаны повиноваться социальной норме, так как они суть существа социальные»[8].

Совершенно иное решение предложил Н. Н. Алексеев, который указал, что субъективное право не есть ни сила, ни свобода, ни воля, ни интерес, но при некоторых условиях оно может быть и первым, и вторым, и третьим и т. д.[9] Сторонники такого подхода указывают, что в зависимости от различных исторических условий взгляды на существо правомочий меняются, но неизмененной остается функция субъективного права как юридического средства реализации интересов людей[10]. В этой связи обосновывается вывод о том, что существо субъективных прав составляют правомочия в рамках определенных исторических условий и определенной системы законодательства[11].

Резюмируя изложенные точки зрения, можно констатировать, что определения сущности субъективных прав основываются на таких мотивах и особенностях поведения правообладателей, как воля, интерес, свобода, необходимость, принуждение и т. п.

---

[1] Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914. – С. 88–89.

[2] См.: Братусь С. Н. Юридические лица в современном гражданском праве // Ученые труды ВИЮН Министерства юстиции СССР. – 1947. – Вып. XII. – С. 27–28.

[3] Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб., 1999. – С. 156.

[4] Jellinek G. System der subjectiven offentliche Rechte, 1905. – P. 44 (цит. по: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.; Л., 1948. – С. 37.

[5] Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914. – С. 443.

[6] См.: Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. – М.: Статут, 2002. – С. 88.

[7] Петражицкий Л. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1909. – С. 86.

[8] Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразованное право. – СПб., 1909. – С. 23.

[9] Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб., 1999. – С. 174.

[10] Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. – С. 88.

[11] Там же.

В отечественной цивилистике дореволюционного периода распространение получила точка зрения, согласно которой право понимается в качестве возможного или дозволенного поведения. Так, С. А. Муромцев указал, что субъективное право представляет собой размер возможной самодеятельности лица по отношению к другому или предмету[1]. Г. Ф. Шершеневич указывал, что «под именем права в смысле субъективном понимается обусловленная объективным правом возможность осуществления интереса»[2].

Другие авторы считают, что поведение лица при осуществлении права может заключаться не только в реализации предоставленных правом возможностей, но также включать в себя воспрещенное поведение. Так, Д. И. Мейер указывает, что правом называется «мера свободы лица, живущего в обществе, мера, в пределах которой лицо может совершать известные действия, должно воздерживаться от совершения известных действий»[3].

Еще шире содержание права толкует И. А. Ильин, полагая, что содержанием субъективного права называются те поступки и деяния, которые позволены, воспрещены или вменены в обязанность человеку[4]. Таким образом, в содержание права данный автор включил не только возможное и воспрещенное поведение, но и обязанности лица.

Приведенные точки зрения дореволюционных цивилистов получили свое развитие в работах советских и современных российских ученых. Наибольшее распространение и развитие получила правовая позиция, основанная на том, что субъективное право – это не обязанность, не долженствование и не запрет, а мера возможного или дозволенного поведения, то есть формально определенная возможность поведения носителя права, пределы которой строго очерчены законом.

Анализируя работы этих авторов и обобщая высказанные точки зрения, можно заметить имеющиеся в них расхождения по вопросу определения структуры субъективного права. Так, одни авторы рассматривают субъективное право с позиции управомоченного лица. При этом субъективное право определяется в качестве обеспеченной законом меры возможного поведения управомоченного лица[5]. По мнению О. Г. Ломидзе, субъективное право представляет собой основанную на нормах гражданского права границу (вид и мера) дозволенного поведения конкретного субъекта во взаимодействии с иным лицом (лицами), установление которой влечет для него обладание определенным социальным благом[6].

По мнению других ученых, сущность субъективного права заключается в возможности требования управомоченным лицом от обязанных лиц определенных действий или воздержания от действий[7]. Н. Д. Егоров определяет субъективное гражданское право как «юридически обеспеченную возможность управомоченного требовать в установленных пределах определенного поведения от обязанного лица»[8].

Фактически приведенные точки зрения не противоречат друг другу, а охватывают различные аспекты содержания субъективного права. В этой связи в науке гражданского права был сформулирован третий, комбинационный подход, объединяющий изложенные точки зрения. В соответствии с этим подходом, сущность субъективного права состоит как в возможном

---

[1] Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. – М., 1879. – С. 58.

[2] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911. – С. 58.

[3] Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). Часть 1. По испр. и дополн. 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. – М.: Статут, 2000. – С. 26.

[4] Там же. – С. 102.

[5] См.: Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. – М: Юриздат, 1947. – С. 26–34; Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М, 1950. – С. 5–21; Дудин А. П. Некоторые спорные вопросы теории объекта правоотношения // Вопросы теории государства и права. – Саратов, 1968. – С. 136.

[6] См.: Ломидзе О. Отчуждение обязательственных прав // Хозяйство и право. – 2002. – Приложение № 6. – С. 4; Ломидзе О. Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 16.

[7] См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН. – 1940. – вып. 3.; Гурвич М. А. Право на иск. – М.;Л.: АН СССР,1949. – С. 142–146.

[8] См.: Егоров Н. Д. О понятии субъективного права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. – Л., 1983. – С. 9; Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений. – Л., 1986. – С. 16.

поведении управомоченного лица, так и в его обеспеченности поведением обязанных лиц. Так, О. С. Иоффе предложил учитывать в общей характеристике понятия субъективного права «его значение и в качестве меры возможного поведения самого управомоченного и в качестве средства обеспечения должного поведения обязанных лиц»[1].

По мнению А. Г. Певзнера, субъективное гражданское право есть мера (границы) дозволенного поведения участника конкретного правоотношения, обеспеченная возложением определенных обязанностей на других участников правоотношения[2].

Ю. К. Толстой считает, что субъективное право может быть определено как «закрепленная за управомоченным в целях удовлетворения его интересов мера возможного поведения в данном правоотношении, обеспеченная возложением обязанностей на других лиц»[3].

В современной научной литературе точка зрения, основанная на включении в содержание субъективного права двух правомочий – на свои и на чужие действия – получила свое развитие в работе А. В. Власовой. Данный автор определяет субъективное гражданское право как предоставленную лицу в целях удовлетворения его законного интереса меру возможного поведения, которая заключается в возможности совершения определенных действий самим управомоченным и в возможности управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица или лиц[4].

Аналогичное мнение высказывается и другими исследователями. Например, М. В. Ибрагимова считает, что «субъективное гражданское право можно определить как предоставленную лицу в целях удовлетворения его законного интереса меру возможного (дозволенного) поведения, которая заключается в возможности совершения определенных действий самим управомоченным и в возможности управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица или лиц»[5].

Комбинационный подход вызвал критику со стороны некоторых ученых. По мнению М. А. Григорьевой, «содержание субъективного гражданского права не может включать в себя возможность распоряжения поведением обязанного лица, а только возможность свободы поведения самого управомоченного субъекта»[6].

А. Б. Бабаев указывает, что «смысл и ценность абсолютного права заключены не в том, что кто-то другой обязан что-то сделать (или не сделать), а в том, что управомоченный субъект вправе сам осуществлять такие действия, которые никто, кроме него, не может реализовать»[7], а в относительном правоотношении в большинстве случаев нельзя сказать, что «наряду с возможностью требовать от обязанного лица каких-то действий управомоченное лицо обладает возможностью самостоятельно осуществить свое право»[8].

Некоторые ученые включают в содержание субъективного права также возможность его охраны и защиты. Так, по мнению Н. Г. Александрова, в субъективном праве следует различать не две, а три возможности: вид и меру возможного поведения его обладателя, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц, возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата[9].

По определению Д. М. Генкина, «субъективное право – это обеспеченная законом возможность определенного поведения данного лица, носителя субъективного права, которому

---

[1] Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2000. – С. 677.

[2] Певзнер А. Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1961. – С. 5.

[3] Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л.: Ленинградский Университет, 1959. – С. 41. – С. 45–46.

[4] Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб, 1998. – С. 10.

[5] См.: Ибрагимова М. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия. Дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – С. 21.

[6] См.: Григорьева М. А. Понятие свободы в российском гражданском праве. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С. 18.

[7] Бабаев А. Б. Система вещных прав. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 179.

[8] Там же.

[9] Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Юриздат, 1955. – С. 108–109; Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 225.

корреспондирует обязанность других лиц и возможность при нарушении субъективного права обратиться к принудительной силе государственных органов»[1].

В. П. Грибанов указывает, что возможное поведение управомоченного лица может заключаться в возможности «осуществить право своими собственными действиями; возможности требовать определенного поведения от обязанного лица;…возможности обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты нарушенного или оспариваемого права»[2].

Данная позиция совпадает также с точкой зрения исследователей проблем общей теории права, для которых право – это «признанная или предоставленная законом возможность того или иного поведения», предусматривающая «право требовать от обязанной стороны совершения тех или иных действии», возможность «собственного поведения, свободы осуществлять право» и «возможностью обратиться в суд или иной государственный орган за защитой … права»[3].

В науке гражданского права имеются также точки зрения, развивающие характер возможного поведения управомоченного лица через возможность пользования материальными и духовными благами. Известность получило определение субъективного права личности, сформулированное М. С. Строговичем: «Субъективное право лиц означает выраженные в норме права и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенным социальным благом, б) полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц, в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права»[4]. Указанные возможности (полномочия) в конкретных субъективных правах, по мнению автора, могут выступать в разном соотношении: та или иная возможность может превалировать над другими, выдвигаться на передний план в зависимости от характера, от содержания такого права[5].

Н. И. Матузов включает в содержание субъективного права четыре возможности: а) возможность определенного поведения самого управомоченного; б) возможность требовать соответствующего поведения от других лиц; в) возможность прибегнуть в необходимых случаях к мерам государственного принуждения; г) возможность пользоваться определенным социальным благом[6].

По мнению Н. В. Витрука, «субъективное право есть социально обусловленная и гарантированная мера возможного поведения личности, которая определена нормами объективного права (конституцией, законами), в целях пользования материальными, духовными и личными благами и ценностями для удовлетворения собственных потребностей и интересов»[7].

Таким образом, указанные ученые характеризуют субъективное право в качестве меры поведения и обладания определенным социальным благом.

Другие авторы делают акцент на перечисление широкого круга соответствующих возможностей управомоченного лица. Так, например, Е. В. Вавилин указывает, что содержание субъективного гражданского права включает в себя: а) право лица собственными действиями или бездействием реализовывать гражданские права; б) право требовать от других лиц соблюдения своего субъективного гражданского права; в) возможность субъекта использовать

---

[1] Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. – 1958. – № 6. – С. 95.

[2] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – С. 105.

[3] Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2002. – С. 377–378.

[4] Строгович М. С. Развитие прав личности в период развернутого строительства коммунизма // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. – Саратов, 1962. – С. 15.

[5] См.: Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М., 1966. – С. 169.

[6] См.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972. – С. 115–124.

[7] См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008. – С. 233.

предусмотренные законом способы и средства защиты своего права; г) право на самозащиту; д) возможность хозяйствующего субъекта по соглашению сторон обращаться в третейский суд (негосударственный юрисдикционный орган); е) право лица обращаться в соответствующие государственные органы в случае нарушения субъективного гражданского права; ж) право обращаться в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд, в Конституционный суд РФ (а в некоторых случаях – в международные суды)[1].

Вместе с тем в науке не всеми учеными разделяется мнение о возможности включения в содержание субъективного права правомочия на защиту этого права. Критические замечания основаны на том, что, во-первых, «правомочие на защиту субъективного права не может входить внутрь самого же, защищаемого при его посредстве, субъективного права (поскольку возможность защиты имеет своим предметом все субъективное право в целом, такая возможность не может существовать, будучи частью этого же целого)»[2]. Во-вторых, это не позволяет разграничить правоотношения на регулятивные и охранительные и приведет к необоснованному выводу о том, что возможность защиты всякого субъективного права принадлежит управомоченному еще до нарушения этого права[3]. В-третьих, «возможность защиты субъективного го права возникает одновременно и из одного с ним основания»[4], что означает безжизненность ность правомочия на защиту до правонарушения.

За последние годы вопрос о существе субъективного права был существенно переосмыслен российскими учеными. Так, например, А. В. Волков считает, что «структуру субъективного гражданского права образуют не только возможности (права), но и единственная, но существенная обязанность – действовать разумно и добросовестно, не нарушать права других лиц, в том числе формальным осуществлением своего права»[5]. При этом данный автор отметил, что что в структуру любого субъективного гражданского права следует также включать правовую цель, которая «свидетельствует о ценностном отношении субъекта к своему гражданскому праву и что образует собственно сущность именно субъективного (осмысленного) гражданского права»[6]. Исходя из этого, субъективное гражданское право – это «составная часть гражданского правоотношения, устанавливающая вид и меру поведения управомоченного лица, наделенного обязанностью не выходить за внутренние (нравственные) пределы своего правоосуществления»[7].

Т. В. Дерюгина считает, что для конструкции субъективного права необходимо: 1) наличие у самого управомоченного лица прерогативы определенного поведения; 2) наличие в самой конструкции субъективного права пределов этого поведения; 3) наличие права требования, которое необходимо рассматривать как возможность требовать совершения как активных действий, так и воздержания от них; 4) наличие права на защиту, которое в регулятивном правоотношении должно рассматриваться как элемент каждой управомочивающей возможности, заложенной в субъективном праве, а в охранительном правоотношении – как самостоятельный элемент субъективного права[8].

О. М. Родионова предложила понимать под субъективным гражданским правом меру возможной деятельности, субъективно определяемую на основании норм гражданского права[9].

---

[1] См.: Вавилин Е. В. Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. – 2004. – № 5; Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 10–11.

[2] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 234.

[3] Там же; Тархов В. А. Гражданское правоотношение. – Уфа, 1993. – С. 17–18, 30–31, 32.

[4] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. – С. 234.

[5] Волков А. В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». – Волгоград: Станица-2, 2007. – С. 104–105.

[6] Там же. – С. 160.

[7] Там же. – С. 163.

[8] См.: Дерюгина Т. В. Внешние и внутренние пределы осуществления гражданских прав. – Волгоград, 2010. 2010. – С. 26; Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав. – М., 2010. – С. 25.

ва[1]. При этом она выделяет два вида субъективных гражданских прав – регулятивное и охранительное. Под регулятивным субъективным гражданским правом понимается требование как ожидание действий со стороны обязанного лица, субъективно определяемое на основании норм гражданского права[2]. Охранительное субъективное гражданское право (право на защиту) представляет собой субъективно определяемое на основании норм гражданского права требование в понудительном порядке устранения препятствий в осуществлении регулятивного субъективного гражданского права либо восстановления в его прежнее положение[3].

Следует также отметить точку зрения, высказанную Д. Ломакиным. По его мнению, субъективное гражданское право определяет степень господства субъекта над своими действиями или над поведением иных лиц, которое в свою очередь может носить как активный, так и пассивный характер, «… субъективное право само по себе представляет некое благо, которым его носитель может распоряжаться по своему усмотрению в целях реализации своих осознанных потребностей, выражающихся в охраняемых законом интересах»[4].

Таким образом, большинство советских и российских ученых усматривают в субъективном гражданском праве элемент возможности или дозволенности.

По нашему мнению, известные теории субъективного права не учитывают его действительного характера и не в полной мере раскрывают содержание субъективного права. Правильная характеристика субъективному гражданскому праву может быть дана только при условии нахождения его точного положения (места) среди гражданско-правовых норм и правового поведения субъекта.

Как известно, нормы гражданского права представляют собой правила поведения, которыми должны руководствоваться субъекты в будущем. В нормах гражданского права заложен порядок совершения потенциально возможного или должного поведения субъекта, то есть описываются модели потенциального поведения, еще не свершившегося, но при наличии определенных обстоятельств способного совершиться. Очевидно, что отождествлять нормы гражданского права с субъективными гражданскими правами нельзя. Существование гражданско-правовых норм предшествует возникновению субъективных гражданских прав.

Правовое поведение субъекта – это его фактические действия или бездействие, соответствующие тем абстрактным моделям, которые предусмотрены в гражданско-правовых нормах. Правовое поведение непосредственно связано с реализацией субъективных гражданских прав, обязанностей и интересов. Понятно, что и правовое поведение субъекта не тождественно субъективному гражданскому праву. Существование субъективных гражданских прав предшествует правовому поведению субъекта.

Таким образом, субъективные гражданские права, равно как и субъективные гражданские обязанности и интересы, нельзя отождествлять ни с гражданско-правовой нормой, ни правовым поведением субъекта. Субъективные гражданские права, обязанности и интересы занимают промежуточное звено между нормами гражданского права и правовым поведением субъекта. В процессе возникновения субъективных гражданских прав, обязанностей и интересов происходит перенос правил поведения, содержащихся в гражданско-правовых нормах, в гражданско-правовой статус субъекта. В результате этого субъект становится обладателем персонифицированного правила поведения.

Если нормы гражданского права устанавливают общие правила поведения, которое только потенциально возможно, то в субъективных гражданских правах, обязанностях и интересах отражается правовое положение конкретного субъекта, которое относится к сфере действи-

---

[1] См.: Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – С. 221.

[2] Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – С. 230.

[3] Там же. – С. 236.

[4] См.: Ломакин Д. Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным хозяйственным обществом // Хозяйство и право. – 2014. – № 4. – С. 5.

тельности. Здесь мы стоим на позициях диалектического материализма, объясняющего действительность как то, что существует реально, как то, что уже имеется, а возможность характеризуется как то, чего еще нет, но что может наступить при соответствующих условиях (обстоятельствах) и стать действительностью.

Субъективное гражданское право не может быть видом или мерой возможного поведения, учитывая лексическое значение термина «возможный», который означает что-то, что может произойти. Иными словами, этим термином охватывается явление, которое в данный момент отсутствует. Сложно представить ситуацию приобретения, осуществления и защиты субъективного права, которого еще нет. Не признавая действительность субъективного права, мы делаем субъекта бесправным.

Определяя субъективное гражданское право в качестве меры возможного или дозволенного поведения, мы фактически охватываем этим понятием любое возможное ненадлежащее поведение, в том числе, злоупотребление правом. Однако, как правильно отмечает П. Е. Недбайло, субъективное право и правовая обязанность не могут быть мерой, критерием поведения. В противном случае открывается возможность для произвольных действий управомоченных и обязанных лиц[1].

По нашему мнению, понимание субъективного гражданского права в качестве действительности не оставляет места ненадлежащему поведению, в том числе, злоупотреблению правом и прочим актам поведения, противоречащим гражданско-правовым запретам. Ненадлежащее поведение остается за границами субъективного гражданского права, если понимать последнее в качестве действительности.

Если считать, что субъективное гражданское право – это вид или мера возможного или дозволенного поведения, то понятие гражданской правоспособности будет сводиться к способности субъекта иметь возможность или дозволенность (то есть, тоже способность) на определенное поведение. Тем самым, субъект будет наделен двойной способностью, что не поддается никакому логическому объяснению. В этом случае теряется собственный смысл гражданской правоспособности и не усматриваются ее отличия от субъективного гражданского права.

Если считать, что субъективные гражданские права устанавливают все то, что возможно или должно, то сотрется их отличие от норм гражданского права. Учитывая, что абстрактная (общая) правовая возможность превращается в конкретную правовую возможность[2], мы считаем, что в роли первой выступают нормы гражданского права, а в качестве последней следует рассматривать гражданскую правоспособность субъекта, которая определяет его конкретные правовые возможности. На этом этапе субъективные гражданские права еще не возникают.

Возможность, предшествуя новой действительности, превращается в нее при наличии соответствующих условий[3]. Сообразно этому, при наступлении соответствующих юридических фактов абстрактные (общие) возможности, закрепленные в нормах гражданского права, превращаются в конкретную правовую возможность, очерченную гражданской правоспособностью.

Гражданская правоспособность, как своеобразный «фильтр», пропускает через себя гражданско-правовые нормы, отсеивает все то, чем субъект обладать не может, оставляя в его правовом статусе конкретные гражданские права, обязанности и интересы. Все они являются не конкретной возможностью (каковой выступает гражданская правоспособность), а относятся к сфере правовой действительности.

Таким образом, нормы гражданского права – это сфера общей правовой возможности, гражданская правоспособность – сфера конкретной правовой возможности, а субъективное гражданское право, наряду с субъективной гражданской обязанностью и интересом, – это сфера правовой действительности.

Будучи действительностью, субъективное гражданское право, обязанность и интерес не могут не быть обусловленными положениями гражданско-правовых норм. Это означает, что у

---

[1] Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959. – С. 90.

[2] См.: Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – М., 2009. – С. 262.

[3] Там же. – С. 258.

субъекта не может быть гражданских прав, обязанностей и интересов, которые возникают вне действия гражданско-правовых норм.

По мнению Д. М. Чечота, субъективное право, как и норма объективного права, представляет собой определенное правило поведения, правда не общего, а индивидуального характера[1]. Развивая эту мысль, можно сказать, что субъективное гражданское право – это не вид и не мера возможного или должного поведения, а модель (формула) действительного поведения (действия или бездействия) конкретного субъекта, обусловленная гражданско-правовыми нормами и отображенная в правовом статусе субъекта.

Данная модель (формула) поведения выступает и ориентиром, и условием поведения субъекта. В каждом конкретном случае можно увидеть конкретные варианты поведения, которые охватываются моделью субъективного гражданского права. В частности, модель субъективного гражданского права может отражать такие виды правового поведения, как владение, пользование и распоряжение имуществом, наследование и завещание имущества, занятие предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, создание юридических лиц, совершение любых не противоречащих закону сделок, участие в обязательствах, получение денежных средств или иного имущества, избрание места жительства, обладание правами автора произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности.

По нашему мнению, модель субъективного гражданского права отражает в себе правовые качества субъекта, а именно: его самостоятельность, свободу и независимость. Эти качества не только характеризуют носителя субъективного гражданского права, но и показывают особенности самого субъективного права в силу того, что последнее входит в правовой статус субъекта.

С учетом вышеизложенного, мы считаем, что субъективное гражданское право: 1) относится к сфере правовой действительности; 2) обусловлено гражданско-правовыми нормами; 3) отображено в гражданско-правовом статусе субъекта и 4) представляет собой модель (формулу) самостоятельного, свободного и независимого поведения субъекта.

Исходя из этого, субъективное гражданское право представляет собой обусловленную гражданско-правовыми нормами и отображенную в правовом статусе субъекта действительную модель (формулу) его самостоятельного, свободного и независимого поведения.

Вышеперечисленные признаки являются внешней характеристикой субъективного гражданского права, которые еще не раскрывают его содержание. Именно содержательная часть субъективного гражданского права показывает его практическую ценность.

По мнению К. Скловского, субъективное право обнаруживает себя как право тогда, когда дает непосредственное благо – материальное или иное[2]. Думается, наиболее полно существо субъективного права раскрывает понятие «преимущество», так как оно показывает не просто блага и выгоду субъекта, а те блага и выгоду, которые дают ему определенные преимущества по сравнению с другими лицами, другими благами и выгодами и другими фактическими обстоятельствами.

Таким образом, субъективное гражданское право выгодно отличает его обладателя от всех иных субъектов, а смысл его в том, что это право предоставляет субъекту преимущества по сравнению с другими лицами. Преимущества, описываемые моделью субъективного гражданского права, позволяют субъекту совершать такое поведение, которое не могут совершать другие лица применительно к имеющимся фактическим обстоятельствам.

Неправомерные преимущества, то есть преимущества, получаемые субъектом в результате неправомерного поведения, моделью субъективного гражданского права не охватываются. По этой причине нельзя посредством субъективного права извлекать неправомерные преимущества, в том числе допускать злоупотребление правом.

---

[1] См.: Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб.: Издательский Дом СПб. гос. ун-та, 2005. – С. 13.

[2] Скловский К. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – С. 108.

Чтобы выяснить, в чем заключается содержание субъективного гражданского права, необходимо понять, какие виды преимуществ оно может предоставлять своему обладателю.

Во-первых, преимущество обладателя субъективного гражданского права может состоять в совершении им правомерных действий, не адресованных другим лицам и совершаемых без их участия. Например, субъективное право собственности позволяет субъекту самостоятельно, свободно и независимо господствовать над своей собственностью. Поведение собственника не адресовано другим лицам и не предполагает их участие в господстве над его собственностью. Субъективное право собственности выгодно отличает его обладателя от лиц, которые не имеют этого права и вынуждены данное право признавать и не нарушать.

Во-вторых, преимущество обладателя субъективного гражданского права может состоять в совершении им правомерных действий с участием других лиц. Например, осуществление субъективного права общей долевой собственности на вещь предполагает участие нескольких лиц – сособственников. Каждый из сособственников наделен господством над вещью в размере свой доли и в силу этого обладает преимуществом по сравнению с другими лицами, которые не имеют такого права.

В-третьих, преимущество обладателя субъективного гражданского права может заключаться в правомерном ожидании соответствующих действий от других лиц. Например, субъективное право на оплату товаров, работ или услуг позволяет субъекту ожидать этой оплаты от должника или иных лиц, которые обязаны произвести оплату. Субъективное право кредитора выгодно отличает его от должника и иных лиц, имеющих субъективную гражданскую обязанность произвести оплату в пользу кредитора. Кредитор обладает преимуществом и по сравнению со всеми иными лицами, которые, хотя и не обязаны произвести оплату, но и не могут претендовать на ее получение.

Ожидания кредитора в приведенном примере приводят к получению им выгоды в виде денежных средств. Если этого не происходит, налицо нарушение субъективного гражданского права, которое может быть защищено правообладателем способами, предусмотренными гражданским законодательством.

В-четвертых, преимущество обладателя субъективного гражданского права может состоять в правомерном требовании надлежащего поведения (действия или бездействия) от других лиц. Требование надлежащего поведения может быть обусловлено нарушением субъективного гражданского права, созданием угрозы его нарушения и любым неправомерным посягательством на субъективное право со стороны других лиц. Например, собственник может истребовать свое имущество из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ), а также требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

Требование надлежащего поведения может быть также обусловлено особенностями гражданского правового регулирования. Например, для осуществления права, удостоверенного ценной бумагой, она должна быть предъявлена обязанному по бумаге лицу (абз. 1 п. 1 ст. 142 ГК РФ).

Исходя из этого, субъективное гражданское право представляет собой обусловленную гражданско-правовыми нормами и отображенную в правовом статусе субъекта действительную модель (формулу) его самостоятельного, свободного и независимого поведения, отражающую преимущества субъекта при совершении им правомерных действий, совершаемых с участием других лиц или без их участия, а также при правомерном ожидании субъектом соответствующих действий от других лиц и при правомерном требовании от них надлежащего поведения (действия или бездействия).

Утрата преимуществ, отраженных в субъективном гражданском праве, может повлечь его прекращение. Например, гибель вещи влечет и прекращение права собственности на нее (п. 1 ст. 235 ГК РФ), так как нельзя извлечь преимущества из того, чего не существует.

По общему правилу отказ от осуществления субъективных гражданских прав не влечет их прекращения (п. 2 ст. 9 ГК РФ). Не редки случаи, когда субъекты не осуществляют свои гражданские права, не получая каких-либо преимуществ, отраженных этими правами. Однако

из этого не следует, что эти преимущества были утрачены. Следовательно, такие субъективные гражданские права остаются полноценными.

Однако в некоторых случаях субъективное гражданское право может иметь место, но быть фикцией, если оно не способно к осуществлению и не предоставляет субъекту реальных преимуществ. Например, существенная порча вещи формально не прекратит субъективного права собственности на эту вещь, но сделает это право фиктивным (декларативным), если собственник не сможет извлечь из своего права каких-либо преимуществ.

Встречаются ситуации, когда содержание собственности настолько обременительно для собственника, что нивелирует все те преимущества, которыми он наделен в силу своего права собственности. Например, когда размер коммунальных платежей за содержание квартиры превышает размер дохода ее собственника. В этом случае собственник не лишается преимуществ, отраженных его субъективным правом собственности и последнее является полноценным, а не фиктивным. Однако для сохранения этих преимуществ ему необходимо повысить уровень дохода, чтобы нести бремя собственника. В противном случае, если по долгам собственника на квартиру будет обращено взыскание, собственность может быть утрачена.

Тем не менее вопрос экономической целесообразности обладания той или иной собственностью не влияет на правовую оценку наличия (отсутствия) права собственности. В приведенном примере наличие этого права не должно подвергаться сомнению. Однако практическая ценность такого права может вызывать вопросы.

Также на практике имеют место случаи, когда доля собственника в праве общей собственности незначительна, выдел ее в натуре невозможен, а принудительная выплата действительной стоимости этой доли другими сособственниками не покрывает судебных расходов (ст. 252 ГК РФ). Подобное правообладание не приносит собственнику каких-либо преимуществ, в связи с чем можно вести речь о бессильности его права долевой собственности. Формальное наличие субъективного гражданского права сомнению не подвергается. Однако в действительности оно отсутствует, так как не предоставляет его обладателю никакой практической ценности.

Могут не принести никаких преимуществ ожидания кредитора в получении денежных средств от должника в ситуации, когда должник является неплатежеспособным или признан несостоятельным (банкротом). В этом случае право кредитора на получение денежных средств не прекращается, но уже не делает положение кредитора преимущественным по отношению к другим лицам.

Истечение срока исковой давности само по себе не прекращает субъективного права кредитора, но является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске, если о применении срока исковой давности заявит другая сторона в споре (ст. 199 ГК РФ). Такое субъективное гражданское право также не приносит его обладателю каких-либо преимуществ.

Приведенные примеры показывают, что понятие преимущество наиболее полно раскрывает смысл и содержание субъективных гражданских прав, помогает увидеть их практическую ценность либо обнаружить отсутствие последней, а также отличить полноценные субъективные права, которые можно реально осуществить, от декларативных и фиктивных субъективных прав.

Утрата субъективным гражданским правом отраженных им преимуществ уничтожает это право или делает его экономически бессильным. Однако в любом случае понятие субъективного гражданского права должно включать в себя указание на преимущества, которыми обладает субъект, как отражение практической ценности субъективного права.

С. Н. Гурская

К ВОПРОСУ О ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Подсудность уголовных дел выступает одним из процессуальных институтов, связанных с обеспечением процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, реализации конституционного положения, в соответствии с которым лицо имеет право на рассмотрение уголовного дела в отношении него тем судьей или составом суда, о котором ходатайствует обвиняемый[1].

При определении подсудности уголовных дел суду присяжных следует руководствоваться общими положениями уголовно-процессуального законодательства об институте подсудности, основанными на Конституции РФ, а также нормами международного права, являющимися неотъемлемой частью законодательства уголовно-процессуального законодательства РФ (ст. 1 УПК РФ).

Международный пакт о гражданских политических правах 1966 года провозглашает в качестве неотъемлемого права человека право каждого при рассмотрении любого обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 14 ч. 1). Конституция РФ уточняет и развивает это положение: никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 ч. 2).

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения дефиниции «подсудность». УПК РСФСР регламентировал вопросы подсудности в отдельной гл. 2 «Подсудность» (ст. 35–45)[2]. В УПК РФ соответствующие ст. (31–36) расположены в гл. 5 «Суд». Конституционный Суд РФ в Постановлении № 3-п от 2 февраля 1999 года «По делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР...» отмечал, что «подсудность дел должна определяться законом, закрепляющим критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком конкретном суде подлежит рассмотрению то или иное уголовное дело»[3].

Вопросы понятия и видов подсудности достаточно детально разработаны теорией уголовного процесса и широко представлены как в научных исследованиях, так и в учебной литературе. Общепризнанным является определение подсудности через юридическое свойство уголовного дела, в силу которого оно подлежит рассмотрению в конкретном суде по первой инстанции. Такой позиции придерживаются В. Соловьев, Н. А. Громов, В. Симшин, М. С. Строгович, К. Ф. Гуценко, Н. М. Савгирова[4]. Так, К. Ф. Гуценко определяет подсудность как свойства (признаки, особенности) дела, по которым решается вопрос о том, «в каком суде и в каком составе этого суда оно (данное дело) должно рассматриваться по первой инстанции».

---

[1] Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – С. 3.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

[3] По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР"”», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан: Постановление [Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.

[4] Соловьев В., Громов Н., Симшин В. Подсудность, ее признаки и значение // Российская юстиция. – 1995. – № 10; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1968; Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. – М., 1956.

В этом определении важным является то, что исследователь говорит не только о том, в каком конкретном суде должно быть рассмотрено дело, но и каким составом этого суда[1].

Некоторые процессуалисты (Г. П. Ивлиев, С. В. Бородин, А. С. Кобликов) определяют подсудность как «совокупность юридических признаков», определяющих суд, правомочный рассматривать дело по первой инстанции[2].

Нам представляется, что под подсудностью уголовных дел суду присяжных заседателей следует понимать правовой институт, при помощи которого определяется, какой суд и в каком составе должен рассматривать конкретное дело по первой инстанции. В связи с этим предлагаем ввести в ст. 5 УПК РФ п. 25, определяющий понятие подсудности уголовных дел: «Подсудность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, определяющих в каком суде и каким составом оно должно быть рассмотрено в первой инстанции».

В теории уголовного процесса принято выделять три основных признака подсудности: предметный (родовой), территориальный (местный) и персональный (личный). Некоторые процессуалисты (К. Ф. Гуценко, А. М. Ларин, В. М. Савицкий, Н. М. Савгирова, М. С. Строгович) называют их не признаками, а видами[3]. Большинство процессуалистов дополнительно к трем основным признакам (видам) подсудности присоединяют и подсудность по связи дел, и только К. Ф. Гуценко, М. В. Боровский и Г. П. Ивлиев характеризуют как самостоятельный вид подсудность дел различным составам суда[4].

Проанализируем вышеперечисленные признаки (виды) подсудности применительно к суду присяжных.

Предметная (родовая) подсудность определяется видом (родом) преступления, по которому ведется уголовное судопроизводство. По этому признаку все преступления, предусмотренные УК РФ, распределены между судами различных звеньев. Например, для Верховных судов республик в составе РФ, краевых и областных судов, судов городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), судов автономной области и автономных округов УПК РФ содержит исчерпывающий перечень статей УК РФ (ст. 31 ч. 3 п. 1 УПК РФ). Предметная подсудность именно этого звена судебной системы (третье звено судов общей юрисдикции) необходима для исследования производства в суде с участием присяжных заседателей, потому что, как указано в ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[5], «рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей федеральных судов общей юрисдикции проводится в Верховном Суде Российской Федерации, верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения, автономной области и автономных округов, окружных (флотских) военных судах». Однако с 1 января 2013 года Верховный Суд РФ не обладает компетенцией по рассмотрению дел в первой инстанции. А поскольку присяжные заседателя могут входить в состав суда только в первой инстанции, то их участие в Верховном Суде РФ в настоящее время не предусмотрено. В связи с этим предлагается из формулировки ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» после слов «проводится в …» исключить слова «Верховном Суде Российской Федерации».

Вопрос о возможной предметной подсудности суду присяжных первоначально решает следователь (дознаватель) и на основе этого разъясняет обвиняемому по окончании ознакомления с материалами дела право заявить ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), затем – прокурор, утверждая об-

---

[1] Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. – М., 1996. – С. 252.

[2] Уголовный процесс / под ред. П. А. Лупинской. – М., 1995. – С. 294.

[3] Савицкий В. М., Ларин А. И. Уголовный процесс: Словарь-справочник. – М., 1999. – С. 108; Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. – М., 1956. – С. 209; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1968. – С. 268, 209; Савгирова Н. М. Предание суду. – М., 1962. – С. 14.

[4] Боровский М. В. Суды общей юрисдикции в РФ: проблемы и перспективы // Черные дыры в российском законодательстве. – 2001. – № 1.

[5] О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный закон [от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

винительное заключение (обвинительный акт) и направляя дело в суд (ст. 222, 226 УПК РФ). Окончательно подсудность дела суду с участием присяжных заседателей определяет только суд в предварительном слушании и при наличии ходатайства обвиняемого (ст. 231, 236, 325 УПК РФ).

Судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь в пределах предъявленного ему обвинения (ст. 252 УПК РФ). С учетом предъявленного обвинения обвиняемый приобретает право на суд присяжных: статья УК РФ должна быть в перечне преступлений, подсудных краевому, областному суду, суду города федерального значения, автономной области и автономных округов, окружному (флотскому) военному суду. Однако обвинение может быть изменено в предварительном слушании или судебном разбирательстве в сторону смягчения, если это не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его права на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ). Изменение обвинения с переквалификацией на другую статью УК РФ может повлечь за собой и изменение подсудности дела. В этом случае, независимо от переквалификации, дело должно быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей. Если обвиняемый заявил ходатайство о суде присяжных и подтвердил его в предварительном слушании, то аннулировать заявленное ходатайство суд не имеет права. Подобный вывод находит подтверждение и в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ по одному из дел указал: несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства обвинение было изменено, дело не может быть передано в другой суд[1].

Территориальная (местная) подсудность зависит от распределения полномочий судов по административно-территориальному принципу. Территориальная подсудность определяется либо местом совершения преступления (ч. 1 ст. 32 УПК РФ), либо местом окончания преступления (ч. 2 ст. 32 УПК РФ), либо местом совершения большинства расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершения наиболее тяжкого из них (ч. 3 ст. 32 УПК РФ). Части 4–6 ст. 32 УПК РФ определяют правила территориальной подсудности в тех случаях, если преступление совершено вне пределов Российской Федерации. Так, если преступление совершено вне пределов Российской Федерации, и предварительное расследование уголовного дела осуществлялось на территории Российской Федерации, уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на место жительства или место пребывания потерпевшего в Российской Федерации либо на место жительства или место пребывания обвиняемого в Российской Федерации, если потерпевший проживает или пребывает вне пределов Российской Федерации. Уголовное дело частного обвинения или заявление потерпевшего о преступлении, совершенном гражданином Российской Федерации в отношении гражданина Российской Федерации вне пределов Российской Федерации, подлежит рассмотрению мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживает потерпевший или обвиняемый.

УПК РФ исходит из того, что «место совершения преступления», «место окончания преступления» должны совпадать с «местом, на которое распространяется юрисдикция суда», т. е. совпадать с территорией, на которой суд осуществляет свою деятельность. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ»[2] Верховный Суд осуществляет деятельность на всей территории Российской Федерации (ст. 19); краевые, областные и приравненные к ним суды – на территории субъекта Федерации; районные суды – на территории судебного района. Мировые судьи осуществляют свою деятельность в пределах судебного участка (ст. 4 Федерального закона РФ от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в РФ»).

При определении подсудности уголовного дела суду присяжных по территориальному признаку следует, руководствуясь предметной подсудностью суда присяжных, соотносить «место совершения», «место окончания» преступления с «местом юрисдикции» краевого, об-

---

[1] Определение Верховного Суда РФ №41-кп 097-90 по делу Аракеляна. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второе полугодие 1997 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 4.

[2] О судебной системе РФ: Федеральный конституционный закон [от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

ластного суда и приравненных к ним судов, т. е. территорией конкретного субъекта РФ, причем только того, где созданы и действуют суды с участием присяжных заседателей.

Таким образом, уголовное дело будет подсудно, например, Московскому областному суду и рассмотрено с участием присяжных заседателей, если преступление совершено или окончено на территории Московской области. Соответственно, при совершении нескольких преступлений (не только на территории Московской области, но и на территории соседних регионов) дело будет подсудно Московскому областному суду с участием присяжных заседателей, если на территории Московской области совершено большинство расследованных по данному делу преступлений или наиболее тяжкое из них.

Устанавливая место совершения преступления и место его окончания, необходимо учитывать законодательную конструкцию состава преступления, в первую очередь его объективной стороны, т. е. то, как в УК РФ определено преступление – с материальным или формальным составом. В формальных составах преступление признается оконченным, когда полностью выполнено противоправное общественно опасное деяние (действие или бездействие). Местом совершения такого преступления будет место совершения действия (бездействия). В материальных составах преступление считается оконченным при наступлении указанного в законе преступного последствия. В этом случае местом совершения преступления будет место наступления последствий.

УПК РСФСР предусматривал, наряду с подсудностью по месту совершения преступления, еще одно условие территориальной подсудности: если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе деятельности которого закончено предварительное следствие или дознание по делу (ст. 41 УПК РСФСР). Это правило применялось в случаях, когда определить место совершения преступления не представлялось возможным, и подсудность определялась местом, где закончено предварительное расследование с составлением обвинительного заключения. Президиум Верховного Суда РФ обратил внимание на то, что местом расследования считается место совершения всех следственных действий, в том числе ознакомление обвиняемого с материалами дела (ст. 201 УПК РСФСР), но не место составления обвинительного заключения[1]. Например, по делу об убийстве в поезде, который в своем движении пересек границы нескольких областей; во время полета на воздушном транспорте, т. е. в случаях распространения начала и окончания преступления на несколько регионов[2]. С местом, где было закончено предварительное следствие или дознание, УПК РСФСР связывал и подсудность дела, которое по тем или иным основаниям подсудно одноименным судам (ст. 42 ч. 3 УПК РСФСР). В УПК РФ это положение не включено, но представляется, что оно должно быть использовано при решении вопроса о подсудности. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 32 УПК РФ ч. 3.1 следующего содержания: «Если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в месте юрисдикции которого закончено предварительное расследование по делу».

В настоящее же время территориальная подсудность преступлений, место совершения которых определить невозможно (ст. 41 УПК РСФСР), фактически соответствует подсудности, если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда (ч. 2 ст. 32 УПК РФ).

Органы расследования с учетом места окончания преступления, места совершения большинства преступлений или места совершения наиболее тяжкого преступления определяют территориальную подследственность, где и будет закончено предварительное расследование. Этот выбор предопределяет и территориальную подсудность. Суд примет решение по территориальной подсудности, аналогичное решению органов расследования по территори-

---

[1] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 мая 1999 года № 478п 99. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 1999 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 1.

[2] Комментарий к УПК РСФСР / под ред. В. М. Савицкого, Б. Т. Безлепкина, П. А. Лупинской, И. Л. Петрухина. – М., 1999. – С. 78; Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьев. – М., 2002. – С. 71; Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). – М., 2002. – С. 53.

альной подследственности. Поэтому следует согласиться с позицией В. П. Божьева, изложенной в научно-практическом комментарии к УПК РФ: «Если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в территориальных пределах юрисдикции другого суда, то подсудность дела о таком преступлении определяется по месту окончания предварительного расследования»[1].

Территориальная подсудность может быть изменена: 1) по ходатайству стороны – в случае удовлетворения заявленного стороной отвода всему составу суда; 2) по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда – в случае, если все судьи данного суда ранее принимали участие в производстве по делу, что является основанием их отвода; 3) по ходатайству стороны или инициативе председателя суда – в случае, если не все участники уголовного судопроизводства по делу проживают на территории юрисдикции данного суда и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности (ч. 1 ст. 35 УПК РФ). Первые два основания: отвод всему составу и всем судьям, как представляется, не применимы к суду присяжных. Краевые, областные и приравненные к ним суды, в отличие от районных, всегда многосоставные, поэтому возможна замена отведенных судей. Третье основание изменения территориальной подсудности и передачи дела в суд того же уровня для рассмотрения с участием присяжных заседателей может быть применено при выполнении дополнительных условий:

а) суд присяжных создан и действует как в суде субъекта РФ, из которого передается дело, так и в суде субъекта РФ, в который передается дело;

б) при установлении согласия всех обвиняемых на изменение территориальной подсудности выяснена позиция обвиняемого, заявившего ходатайство на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, и обеспечена возможность реализации его ходатайства в другом суде;

в) решение вопроса об изменении территориальной подсудности дела суду присяжных отдано на откуп Председателю (или его заместителю) Верховного Суда РФ (ч. 3 ст. 35 УПК РФ), что будет служить гарантией обеспечения права обвиняемого на суд присяжных.

Опыт деятельности судов присяжных в РФ показал, что наибольшее количество проблем возникает при определении именно территориальной подсудности уголовного дела суду присяжных. Как отмечает Н. А. Дудко, это связано с тем, что территориальная подсудность была ограничена поэтапным введением суда присяжных[2]. Представляется, что с данным мнением можно согласиться в полной мере.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ выявила в практике судов ошибки, связанные с определением подсудности уголовных дел. Были факты, когда дело, подсудное нескольким одноименным судам, постановлением судьи направлялось для рассмотрения в тот из судов, в котором имеется суд присяжных. При этом судьи не учитывали, что в соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР в таких случаях дело должно рассматриваться тем судом, в месте юрисдикции которого закончено предварительное следствие или дознание по делу[3]. А. П. Шурыгин в свое время обращал внимание и на то, что «в областные (краевые) суды регионов РФ, не входящие в зону действия судов присяжных, поступают многочисленные ходатайства обвиняемых о рассмотрении их дел судами с участием присяжных заседателей»[4].

Большинство ходатайств обвиняемых о рассмотрении дела судом присяжных, заявленных в регионах, где не был создан суд присяжных, отклонялись со ссылкой на Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года № 5451/1-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судо-

---

[1] Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. – М., 2002. – С. 71.

[2] Дудко Н. А. Понятие и виды подсудности уголовных дел суду присяжных // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 53.

[3] Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 9.

[4] Шурыгин А. П. За пять лет суд присяжных дошел до девяти регионов // Российская юстиция. – 1998. – № 12. – С. 7.

устройстве РСФСР""»[1], Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» и ст. 6 Заключительных переходных положений Конституции РФ. Постановление от 16 июля 1993 года ввело суд присяжных поэтапно, только в девяти регионах России. Заключительные и переходные положения Конституции РФ разрешали сохранять прежний порядок судебного разбирательства до введения в действие федерального закона, устанавливающего порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей. Верховный Суд РФ признал законным и обоснованным отклонение подобных ходатайств обвиняемых.

Верховный Суд РФ пытался решить проблему путем передачи дел из регионов, где нет суда присяжных, в суды регионов, где существует такая форма судопроизводства, однако, счел такие процедуры неприемлемыми по нескольким основаниям. Во-первых, с юридической точки зрения это противоречит Конституции РФ. Во-вторых, с экономической и организационной точек зрения передача дел увеличит сроки рассмотрения, потребует больших финансовых затрат и массу организационных мероприятий.

Конституционный Суд РФ в Постановлениях от 16 марта 1998 года и 2 февраля 1999 года, Определениях от 31 мая 1999 года и 13 апреля 2000 года занял аналогичную позицию и указал следующее: «передача дел Верховным Судом РФ из одного суда в другой в порядке, установленном ст. 44 УПК РСФСР, может осуществляться лишь в рамках судебной процедуры и при наличии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом, и правил определения другого компетентного суда. Действующее законодательство не предусматривает ни таких оснований, ни порядка передачи дела в другой суд при отсутствии коллегии присяжных заседателей в суде, к территориальной подсудности которого отнесено дело»[2].

Итак, п. 6 второго раздела Конституции РФ «Заключительные и переходные положения» закрепил возможность в течение некоторого переходного периода, временные границы которого в Конституции не указаны, рассматривать уголовные дела с участием присяжных заседателей только на территориях, где суды присяжных созданы. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 февраля 1999 года обязал Федеральное Собрание незамедлительно внести в законодательство изменения, обеспечивающие на всей территории РФ реализацию права обвиняемого на суд присяжных. Требования Конституции РФ и Конституционного Суда РФ были учтены уже в УПК РФ, принятом 18 декабря 2001 года.

Персональная подсудность обусловливается специальным субъектом преступления. Ранее, до 1 января 2013 года, по признаку персональной подсудности Верховный Суд РФ рассматривал уголовные дела в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, судьи федерального суда по их ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства (ст. 452 УПК РФ). Также с учетом персональной подсудности военные суды рассматривают уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы (ч. 5, 7, 7.1, 8 ст. 31 УПК РФ).

Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»[3] предусмотрел рассмотрение окружными (флотскими) военными судами уголовных дел в составе судьи и коллегии присяжных заседателей (п. 1 ч. 4 ст. 10, п. 2 ч. 1 ст. 15). УПК РФ, как и УПК РСФСР, не содержит прямого указания на возможность участия присяжных заседателей в военных судах. Вывод о такой возможности позволяет сделать

---

[1] О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”»: Постановление [Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года № 5451/1-1] // СПС «КонсультантПлюс».

[2] По запросу Московского областного суда о проверке конституционности статьи 421 УПК РСФСР: Определение [Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2000 года № 69-0] // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 24. – Ст. 2657.

[3] О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон [от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

комплексный анализ ст. 30, 31 УПК РФ, норм Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», а также Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Действующее законодательство предусматривает функционирование суда присяжных только на уровне судов субъектов РФ (краевой суд, областной суд и приравненные к ним суды). Окружной (флотский) военный суд равнозначен краевым и областным судам, но только по предметной подсудности: окружному (флотскому) военному суду подсудны уголовные дела, указанные в ч. 3 ст 31, в отношении военнослужащих и граждан, проходящих военные сборы (ч. 6 ст. 31 УПК РФ). Возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в окружных (флотских) военных судах закреплена также в ст. 1 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Таким образом, подсудность характеризуется предметным, территориальным и персональным признаками, которые определяют наличие соответствующего вида подсудности.

Подсудность уголовных дел различным составам суда – сравнительно новый вид подсудности. Стоит отметить, что проблема состава суда при рассмотрении уголовного дела – одна из тех, которые привлекают особое внимание практиков и ученых-процессуалистов. Объясняется это общим стремлением найти оптимальный вариант состава суда, при котором вероятность судебных ошибок была бы минимальной.

Необходимость включения в характеристику подсудности состава суда впервые возникла после внесения изменений в ст. 15 УПК РСФСР 29 мая 1992 года. До этого господствовал принцип коллегиальности в рассмотрении уголовных дел: во всех судах в первой инстанции оно производилось в составе судьи и двух народных заседателей (ст. 15 УПК РСФСР в редакции 1960 года). Закон РФ от 29 мая 1992 года № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, УПК и ГПК РСФСР» изменил редакцию ст. 15: уголовные дела в суде первой инстанции рассматриваются коллегиально или единолично; коллегиальное рассмотрение дел осуществляется в составе судьи и двух народных заседателей.

Закон РФ от 16 июля 1993 года № 451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» еще более увеличил число вариантов состава суда, закрепив возможность рассмотрения дел по первой инстанции судом в составе судьи и 12 присяжных заседателей, а также в составе трех профессиональных судей[1].

Действующая редакция УПК РФ от 18 декабря 2001 года закрепляет следующие варианты состава суда при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции (ст. 30 УПК РФ):

1) единолично судья федерального суда общей юрисдикции;

2) судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей;

3) коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции с 1 января 2004 года; в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2] до 1 января 2004 года уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях рассматривались при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания, коллегией в составе судьи и двух народных заседателей;

4) мировой судья.

Причем при определении подсудности конкретного уголовного дела УПК РФ предусматривает возможность выбора варианта состава суда. Этот выбор зависит от волеизъявления обвиняемого в форме ходатайства и категории уголовного дела по характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Так, от наличия ходатайства обвиняемого

---

[1] Воскресенский В. Количество склонно переходить в качество // Российская юстиция. – 1996. – № 12.

[2] О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон [от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

зависит рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей и коллегией из трех судей. В отношении рассмотрения дела коллегией в составе трех судей УПК РФ закрепляет дополнительное требование: ходатайство обвиняемого может быть заявлено только в уголовном деле о тяжком или особо тяжком преступлении.

Ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей – важнейшее условие подсудности дел суду присяжных. С. И. Добровольская выделяет с учетом этого условия отдельный вид подсудности – альтернативную подсудность – и отмечает ее положительные черты: «во-первых, это возможность обвиняемого выбирать подходящую для него форму судопроизводства. Во-вторых, это возможность последующего отказа обвиняемого от заявленного ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных»[1]. То есть из содержания ст. 30 УПК РФ вытекает наличие нового вида подсудности: альтернативной, ее основным признаком является волеизъявление обвиняемого при выборе суда, который должен рассматривать данное уголовное дело.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: при определении подсудности уголовного дела суду присяжных необходимо использовать все признаки (виды) подсудности в комплексе и с учетом специфики их проявления в суде присяжных по сравнению с «традиционным» судопроизводством. Однако правом выбора суда присяжных (при соответствии дела всем признакам подсудности) наделен только обвиняемый. Ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей – важнейшее условие подсудности уголовного дела суду присяжных.

[1] Добровольская С. И. Суд присяжных – актуальные проблемы организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 25.

И. А. Остапенко

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В словаре русского языка и словаре иностранных слов приводится следующее значение слова «процесс»: «ход какого-либо явления, последовательная смена состояний, стадий развития»[1].

Однако поскольку речь идет о правовой категории, следует рассматривать данное понятие с правовой точки зрения. В теории права «процесс» означает прохождение, продвижение. Данное «продвижение» проходит определенные законом этапы (части), именуемые стадиями процесса.

И. В. Панова дает следующее толкование: «Процесс – древнейший регулятор, определенная совокупность действий и событий, приводящих к известному результату, итогу. То есть в нем есть динамика, неоднократность, результат, четкая фиксация и внешнее оформление»[2]. «Юридический процесс как разновидность социального процесса является нормативно-властной юридической деятельностью, осуществляемой в процессуальной форме, которая включает в себя судебные и иные процессы в публичных интересах. Юридическим процессом становится такая процедура властной государственной деятельности, которая наиболее совершенна (развита) и разработана правовыми нормами»[3].

В. Д. Сорокин считает, что любой вид юридического процесса представляет собой государственно-властную деятельность, и главное его свойство – стадийность[4].

С. Н. Махина подчеркивает, что юридический процесс – это:

– разбирательство (рассмотрение) определенного юридического дела, то есть такого обстоятельства, которое разрешается (рассматривается) на основании закона, а его последствия осуществляются во исполнение закона;

– деятельность по совершению операций с нормами права; при осуществлении любой властной управленческой деятельности органы государства обязаны не только руководствоваться правовыми установлениями, но и использовать предписания нормы права для разрешения конкретных юридических дел;

– правовая форма деятельности уполномоченных на то органов государства и должностных лиц; деятельность же субъектов управленческого процесса осуществляется только в правовой форме посредством издания правовых актов управления, заключения административных договоров или совершения юридически значимых действий;

– деятельность, результаты которой обязательно оформляются в соответствующих процессуальных документах, причем природа, содержание и структура этих документов обычно закрепляются законодательством, хотя в настоящее время единой системы таких законодательных актов нет;

– деятельность, вызывающая объективную потребность в процедурно-процессуальной регламентации; управленческой процессуальной деятельности должна быть свойственна четкая и всесторонняя регламентация, обеспечивающая, с одной стороны, эффективность деятельности субъектов-организаторов управленческого процесса, а с другой – атмосферу благоприятствования участникам процесса, непосредственно заинтересованным в его результатах;

---

[1] См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 544; Словарь иностранных слов. – М., 1990. – С. 417.

[2] Панова И. В. Курс административно-процессуального права России / науч. ред. проф. Э. Н. Ренов. – Саратов: Научная книга, 2003. – С 17.

[3] Там же. – С. 15.

[4] Сорокин В. Д. Избранные труды / предисл. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Д. Н. Бахраха; д-ра юрид. наук, проф. В. В. Денисенко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 447–449.

– деятельность, непосредственно связанная с необходимостью использования методов и средств юридической техники[1].

На основании вышеизложенного можно отметить, что юридический процесс – это урегулированный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии и документальном закреплении юридических решений общего или индивидуального характера. Данная деятельность имеет ряд особенностей:

– ей присущ властный характер;

– она в полном объеме регламентирована юридическими процессуальными нормами;

– она направлена на достижение юридического результата, имеет целью решение юридических дел;

– ей свойственна определенная стадийность, которая протекает с обязательным оформлением соответствующих процессуальных документов.

Следует отметить, что при всей значимости юридическому процессу как правовой категории, как самостоятельному правовому явлению, были посвящены лишь единицы крупных монографических исследований. Как правило, все они относятся к советскому периоду развития российского правоведения.

На сегодняшний день, в соответствии с Конституцией РФ и конституционно-правовой теорией, юридический процесс представляет собой образование, включающее пять самостоятельных, имеющих специфические особенности процессов: конституционный, уголовный, гражданский, арбитражный и административный. Каждый из данных процессов существенно отличается от других по юридическому содержанию, объему и уровню правового регулирования. Для достижения цели настоящего исследования рассмотрим административный процесс более подробно.

Современная история становления и развития административного процесса в нашей стране связана с принятием на Всенародном референдуме 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, в которой административно-процессуальное законодательство впервые получило официальное закрепление.

Вместе с тем историческая ретроспектива показывает, что в юридической литературе научная разработка концепции административного процесса началась в середине 1960-х годов и продолжается в настоящее время. Однако вопросы административного процесса практически не исследовались в комплексе. Предметом изучения были лишь отдельные виды административных производств, в частности производство по делам об административных правонарушениях. В последние годы по данной теме различными авторами написано большое количество научных статей (Д. Н. Бахрах, А. С. Дугенец, Ю. Н. Старилов, О. В. Левченко, Н. Г. Салищева и др.), монографий (Б. В. Россинский, И. В. Панова, А. И. Стахов и др.), диссертаций (Р. Р. Айгистов, А. С. Бондаренко, А. А. Пеков, Е. Ю. Хохлова и др.).

Первым из советских теоретиков административного права, выделившим административный процесс, был профессор М. Д. Загряцков. Рассматривая право жалобы, он высказал ряд предложений по вопросам административного процесса. Эти предложения остаются актуальными и сегодня[2].

В 1929 году советский административист В. Л. Кобалевский в книге «Советское административное право» также выделил административно-процессуальные вопросы в отдельную главу[3].

Отметим, что начиная с 1940–1950 годов в учебниках по административному праву уже имеются отдельные главы, посвященные анализу действовавшего в тот период советского законодательства, регулировавшего названный вид процесса.

---

[1] Махина С. Н. Административный процесс: проблемы теории, перспективы правового регулирования / науч. ред. Ю. Н. Старилов. – Воронеж: ВГУ. – 1999. – С. 42–44.

[2] Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 112–115.

[3] Кобалевский В. Л. Советское административное право. – Харьков: Наркомюста УССР, 1929. – С. 389.

В 1949 году С. С. Студеникин отмечал, что административный процесс составляет совокупность определенных процессуальных правил[1].

В 1960-х годах появляется огромное количество научных работ, содержащих различные подходы к понятию административного процесса. Например, Г. И. Петров рассматривал административный процесс как процесс осуществления исполнительной и распорядительной деятельности государства[2]. В. М. Манохин представлял его как деятельность государственных органов по разрешению индивидуальных дел в сфере государственного управления, но, прежде всего, как порядок реализации административно-правовых норм[3].

А. П. Коренев в 1970 году писал, что административный процесс – это деятельность по осуществлению функций государственного управления и применению норм материального административного права, протекающая в порядке и формах, установленных законодательством[4].

Наиболее заметный вклад в научное развитие административного процесса внесли работы, прежде всего, В. Д. Сорокина, И. В. Пановой, Е. В. Додина, Ю. М. Козлова, П. И. Кононова, Н. Г. Салищевой и ряда других ученых. В этот период защищено большое количество диссертаций по данной тематике.

В 1980-е – начале 1990-х годов впервые были разработаны и приняты кодифицированные акты в сфере административного процесса – Основы законодательства Союза ССР об административных правонарушениях и Кодексы союзных республик об административных правонарушениях. Вышло множество работ, посвященных административной ответственности. Однако в целом данный этап является периодом ремиссии административно-процессуальных исследований, так как понятию административного процесса, по сути, был посвящен лишь один серьезный монографический труд – учебное пособие «Советский административный процесс» О. К. Застрожной, вышедшее в 1985 году.

В конце 1990-х годов вновь проявляется серьезный интерес к проблеме административного процесса.

В настоящее время практически все учебники по административному праву включают в себя целые разделы, посвященные административному процессу. Данная учебная, а также научная литература характеризуется значительным плюрализмом мнений о том, что должен представлять собой административный процесс и что он в себя должен включать. В целом, анализируя подходы к административному процессу в советской, а затем и российской юридической литературе, можно сделать вывод, что данное понятие употреблялось в двояком – широком и узком – смысле. Рассмотрим основные взгляды представителей обеих точек зрения.

Н. Г. Салищева отмечала, что административный процесс в правовом смысле – это «порядок (способы и формы) осуществления юрисдикции». Главной отличительной чертой «юрисдикционной» концепции толкования административного процесса является отнесение управленческих процедур (частично урегулированных нормами права) к нормам материального, а не процессуального права. По мнению исследователя, невозможность отнесения к административному процессу, например, организации подготовки и принятия нормативных актов, реализации предписаний и требований этих актов, различных организационных действий неправового характера, организации документирования и т. д., обусловлена тем, что как статика, так и динамика управленческого (нормального, позитивного) процесса являются неразделимыми, то есть и в первом, и во втором случае нормы материального административного права действуют в качестве основных, первич-

---

[1] Студеникин С. С. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права // Вопросы советского административного права. – М.: АН СССР, 1949. – С. 44.

[2] Петров Г. И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. – 1962. – № 5. – С. 30.

[3] Манохин В. М. Органы советского государственного управления (вопросы формирования). – Саратов, 1962. – С. 44–45.

[4] Коренев А. П. Кодификация советского административного права. – М.: Юридическая литература, 1970. – С. 67–68.

ных норм. Процессуальные нормы начинают «работать», согласно представлению Н. Г. Салищевой, лишь при возникновении правового спора, следовательно, при необходимости проведения соответствующей «юрисдикционной» оценки того или иного действия[1].

По мнению А. Ф. Клейнмана, административный процесс существует только в судебных органах при рассмотрении административно-правовых дел[2].

Аналогичной позиции придерживается Ю. Н. Старилов. В своей статье «Административная реформа: способствует ли она совершенствованию административно-правового регулирования?» он пишет, что юридический процесс – это процессуальная форма функционирования судебной власти. Автор дает определение административного процесса, говоря о том, что это система административно-правовых процессуальных норм, регламентирующих порядок рассмотрения судом (судьями) административных дел и споров, возникающих из административно-правовых отношений. Ю. Н. Старилов называет современный административный процесс «новой» на фоне развития теории административной юстиции подотраслью российского административного права, главной задачей которой является обеспечение судебно-правовой защиты субъективных публичных прав и свобод человека и гражданина, публичных и законных интересов физических и юридических лиц[3].

П. И. Кононов, обобщая изложенные в литературе подходы к пониманию административного процесса как юрисдикционной деятельности органов государственного управления, отмечает наиболее существенные постулаты этой концепции:

1. В рамках административного процесса осуществляется применение не регулятивных, а охранительных норм, определяющих меры государственной защиты нарушенных прав и свобод граждан, законных интересов организаций, а также соответствующие меры государственного принуждения.

2. Содержание административного процесса по аналогии с гражданским и уголовным образуют следующие виды деятельности в сфере государственного управления:

а) рассмотрение споров, возникающих между участниками административных правоотношений;

б) рассмотрение жалоб граждан и организаций в административном порядке;

в) рассмотрение дел о применении мер административного принуждения, в том числе административных взысканий.

Указанные виды деятельности, составляющие содержание административного процесса, осуществляются, как правило, органами государственного управления (исполнительной власти), а в случаях, предусмотренных законодательством, – судами (судьями).

3. Иные виды деятельности, осуществляемые органами государственного управления, в частности внутриаппаратная, а также внешневластная деятельность по разрешению индивидуальных дел, не связанных с применением мер административного принуждения (о предоставлении жилой площади, об отводе земли, о приеме в учебные заведения и т. п.), не являются административным процессом. Каждый из этих видов деятельности по разрешению органами государственного управления индивидуальных юридических дел как внутреннего, так и внешнего характера обозначается понятием «административное производство».

4. Административные производства, в отличие от административного процесса, регулируются не административно-процессуальными нормами, а так называемыми организационными нормами, которые являются разновидностью материальных норм административного права[4].

Как видно, представленная П. И. Коновым концепция административного процесса носит узкий, однобокий характер, так как фактически сводит многогранную управленче-

---

[1] Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. – М., 1964. – С. 12.

[2] Беркутова О. С. Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 17.

[3] Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 57–58.

[4] Кононов П. И. Административно-процессуальное законодательство и проблемы кодификации: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 16–17.

скую деятельность органов исполнительной власти к правоохранительной, оставляя за пределами положительную управленческую деятельность, связанную с регулированием общественных отношений. Поэтому такое понимание административного процесса, по нашему мнению, неприемлемо, ведь в данном случае административный процесс становится одной из форм судебной деятельности. Более удачной нам представляется так называемая «управленческая концепция» административного процесса. Рассмотрим данное направление.

В. М. Горшенев справедливо указывал на то, что узкая трактовка административного процесса не соответствует общему методологическому пониманию процесса как формы существования самого материального закона. Из этого следовало, что административное право, устанавливая отношения в сфере управления, то есть каждодневного позитивного труда служащих по управлению во всех областях жизни, не соответствует юрисдикционной форме практического осуществления управленческих действий. Более того, в рамках административного процесса применяются процедуры как нормотворческого характера, так и правоприменительного значения, которые еще предстоит совершенствовать в течение ближайших лет. Таким образом, административный процесс едва ли возможно свести к установленным правовым путем процедурам применения принуждения[1].

Е. В. Додин писал в свое время, что для управленческих органов административный процесс служит средством выполнения основного назначения государственного управления, для иных органов государства и уполномоченных общественных организаций административный процесс, с одной стороны, создает условия для выполнения их основных задач, с другой – является средством оказания содействия государственному управлению[2].

По мнению Г. И. Петрова, административный процесс в широком смысле – это процесс исполнительной и распорядительной деятельности органов государственного управления. Административный процесс в узком смысле – процесс деятельности органов государственного управления по рассмотрению индивидуальных дел, относящихся к их компетенции[3]. Представляется, что первое определение административного процесса весьма широко. В данном случае процесс исполнительной и распорядительной деятельности органов государственного управления отождествляется с государственным управлением вообще.

Аналогичную позицию выражал Ю. М. Козлов: «Под административным процессом в широком смысле слова понимается процесс самой исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления, то есть процессуальные формы ее осуществления. Под административным процессом в узком смысле слова понимается деятельность органов государственного управления по рассмотрению индивидуальных дел, отнесенных к их компетенции, деятельность по применению материальных административно-правовых норм к конкретным (индивидуальным) делам»[4].

Как справедливо указывает О. К. Застрожная, общественными отношениями, составляющими базу административного процесса, являются многочисленные организационно-процедурные отношения, возникающие в деятельности аппарата управления в силу большого объема и разнообразия управленческих отношений (подготовка и принятие нормативных актов; рассмотрение предложений, заявлений и жалоб граждан; применение поощрения и дисциплинарных взысканий к государственным служащим; применение административного принуждения к гражданам и должностным лицам)[5].

---

[1] Горшенев В. М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству. – Новосибирск, 1967. – С. 21–22.

[2] Додин Е. В. Доказательства в административном процессе. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 17.

[3] Петров Г. И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. – 1962. – № 5. – С. 30.

[4] Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. – М., 1967. – С. 86.

[5] Застрожная О. К. Советский административный процесс: учеб. пособие. – Воронеж, 1985. – С. 32.

Например, С. А. Шатов считает перспективным научным направлением «комплексный» («интегративный») подход в исследовании проблематики административного процесса, который, по сути, является определенной разновидностью «управленческой» концепции[1].

Таким образом, административный процесс в широком понимании характеризуется следующим:

1) это составляющая деятельности органов управления (государственных или муниципальных органов исполнительной власти), которая подлежит правовой регламентации; ученые, исследующие данную проблему в настоящее время, указывают на три вида процесса: административно-правотворческий (издание нормативных актов публичной власти), административно-правонаделительный (применение материальных норм позитивного характера), административно-юрисдикционный (правоохранительная деятельность субъектов);

2) содержанием административного процесса является деятельность по применению норм различных отраслей права (в первую очередь административного);

3) системой разнообразных административных производств, разграниченных целями, задачами и предметом совершаемых управленческих действий;

4) наличием многообразных, имеющих специфический материальный процессуально-правовой статус субъектов административно-процессуальной деятельности (органы управления, органы исполнительно-распорядительной деятельности, государственные и муниципальные служащие, должностные лица).

В подтверждение права на существование управленческой концепции приведем следующий пример.

В рекомендациях по разработке должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих в некоторых федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах говорится о подготовке проектов документов, осуществляемой в соответствии с требованиями. Инструкции по документационному обеспечению государственного управления, в которых представлены подробные указания по осуществлению процесса принятия того или иного документа (в том числе предварительная экспертиза документов, рассмотрение документа, сроки и т. д.)[2], есть административно-процессуальная деятельность так называемого позитивного характера.

Таким образом, существуют два подхода к пониманию и определению административного процесса: «юрисдикционная» и «управленческая» концепции.

Первая концепция заключается в том, что под административным процессом еще в 1960-е годы предлагалось понимать только деятельность по применению мер административного принуждения, то есть урегулированный правом порядок юрисдикционной деятельности при рассмотрении индивидуальных дел.

Вторая концепция определения административного процесса («управленческая») состоит в том, что в административный процесс, помимо отношений по осуществлению принуждения, включаются так называемые отношения положительного управленческого характера, которые возникают при применении регулятивных норм материального права, то есть в данном случае административный процесс не ограничивается рамками принудительных юрисдикционных действий и мероприятий, а включает в себя всевозможные управленческие действия, реализуемые в интересах осуществления функций и целей управления, решения его задач.

В рамках управленческой концепции сформировались различные подходы к содержательной части административного процесса, т. е. остается открытым вопрос о количестве, наименовании и содержании административных производств.

В частности, Н. М. Тищенко в качестве классификационного использует функциональный признак и выделяет четыре относительно самостоятельные вида административного про-

---

[1] Шатов С. А. Концепции административного процесса: диалектика научных взглядов // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 91–98.

[2] О рекомендациях по разработке должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих в федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах: Письмо [Минздравсоцразвития РФ от 10 августа 2005 года № 3855 – ВС] // СПС «КонсультантПлюс».

цесса: административно-учредительный, административно-правотворческий, административно-правонаделительный процесс, который автор, в свою очередь, делит на правонаделительный, правоохранительный и административно-контрольный процессы[1].

Д. Н. Бахрах выделяет три вида административного процесса и дает каждому виду административного процесса следующие определения:

– административно-правотворческий процесс – деятельность государственной администрации по принятию нормативных административных актов в порядке, установленном административно-процессуальными нормами;

– административно-правонаделительный (оперативно-распорядительный) процесс – деятельность субъектов государственной исполнительной власти по принятию и исполнению оперативно-распорядительных, правонаделительных и иных правоприменительных актов, направленная на организацию исполнения законов и иных правовых актов, осуществляемая в порядке, установленном административно-процессуальными нормами;

– административно-юрисдикционный процесс – деятельность субъектов государственной исполнительной власти по разрешению споров между различными субъектами, а также по применению мер административного и дисциплинарного принуждения, осуществляемая в административно-процессуальной форме[2].

В. А. Юсупов в качестве критерия классификации административных производств предлагает учитывать характер функций управления. Такой подход позволил автору разработать следующую классификацию административных производств:

– учредительное производство (регулирующее порядок создания, реорганизации и ликвидации структур, комплектования личного состава аппарата управления);

– производство по выработке актов планирования;

– производство по осуществлению оперативной деятельности органа управления (порядок разделения функций между органами, между структурными подразделениями и должностными лицами; расстановка кадров; определение конкретных заданий, контроль их выполнения; применение мер поощрения и др.);

– производство по осуществлению регистрационных действий (регулирующее порядок удостоверения органами управления юридических фактов или их систем);

– производство по заключению административных договоров (особенно актуально при решении комплексных проблем, если нет системы прямой подчиненности, а ведомственная разобщенность мешает совместной деятельности различных органов и должностных лиц);

– производство по рассмотрению дел, связанных с реализацией субъективных прав граждан;

– производство по разрешению административных споров[3].

Подводя итог можно констатировать, что на сегодняшний день наибольшее распространение получила точка зрения о существовании трех административных процессов – административно-правотворческого (нормотворческого), административно-правонаделительного и административно-юрисдикционного. Но в то же время следует говорить и о том, что административный процесс – единая, целостная юридическая категория. Его структура (что в данном случае созвучно гражданскому и уголовному процессам) включает различные виды производств, а не отдельные, самостоятельные процессы, в связи, с чем можно утверждать, что административных производств может быть несколько, а сам административный процесс – единичен.

---

[1] Юсупов А. В. Российское административное право: курс лекций. – Волгоград: ВИЭСП, 2006. – С. 210.

[2] Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. – 3-е изд., исправл. и доп. – М.: Эксмо, 2007. – С. 248.

[3] Юсупов В. А. Актуальные проблемы административного права России (материалы научно-практической конференции) // Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 83.

Е. Ю. Федосеев

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт несостоятельности (банкротства) берет свои истоки еще в дореволюционной России. В то время был создан целый ряд норм о несостоятельности, которые изучало конкурсное право. Гражданско-правовое регулирование несостоятельности представилось делом более сложным. На изучение и отработку этих норм уходили десятки лет, а то и столетия.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в России было трудно не только создавать, но и применять. Как свидетельствует известный российский ученый Г. Шершеневич, многие статьи были настолько сложными, что затрудняли работу не только юридическим лицам, но и опытным юристам[1].

До настоящего времени накопился богатый опыт применения законодательных актов и правовых норм, которые были созданы в дореволюционное время. Однако законодатель в Российской Федерации решил не использовать накопленный опыт и в большинстве своем нормы о несостоятельности (банкротстве) позаимствовал за рубежом.

Так, в терминологии дореволюционной России вместо современного термина «арбитражный управляющий» употреблялся наиболее понятный в России – «попечитель». Попечителя избирали из числа адвокатов и присяжных поверенных. Здесь наблюдается различие как в толкованиях, так и в функциях данных лиц.

Арбитражный управляющий жестче принимает участие в финансово-производственной деятельности компании-банкрота, что в большинстве случаев приводит не к оздоровлению юридического лица, а к его полному разорению. Такое происходит как из-за недобросовестности арбитражных управляющих, так и по причине их непрофессионализма. Недаром существующий режим несостоятельности многие юристы именуют очередным институтом передела собственности наряду с приватизацией.

В дореволюционные же времена попечитель-опекун обеспечивал законность всех действий юридического лица, которое становилось банкротом. Он давал клятвенное обещание при вступлении в должность.

Многие дореволюционные нормы и законодательные акты о несостоятельности (банкротстве) могли бы быть адаптированы и к современной ситуации в деле о банкротстве. История института несостоятельности берет свое начало с момента возникновения рыночных отношений. Становление рынка повлекло за собой потребность устранить разрушительные для экономики последствия банкротства предпринимателей (торговцев, купцов, банкиров, ростовщиков, фермеров). Главенствующую роль здесь сразу стало играть государство.

Однако встречались и цивилизованные формы ответственности. Например, предусматривалось право кредитора на возмещение убытков от неисполнения обязательств. Со временем стало понятно, что кредитору, который убил должника, не становилось от этого лучше, а долг так и оставался долгом. Постепенно законодатель стал менять свои нормы, перенося акценты на имущественное обеспечение долга и на его реальный возврат.

Памятники Древней Руси свидетельствуют о наличии нормативно-правовой базы для признания должников банкротами уже в тот период. «Русская правда» закрепляла дифференцированный подход к оценке несостоятельности, например, определяя несостоятельность, возникшую не по вине должника. Однако также «Русская правда» вводила нормы о суровом наказании за преднамеренное банкротство, когда должник укрывался от возврата долгов. Если

[1] Шершеневич Г. Учебник русского гражданского права. – М.: Проспект, 2011. – С. 42.

должника все-таки возвращали, его и его имущество продавали с торгов, а вырученная сумма пропорционально распределялась между кредиторами.

Российскому законодательству свойственна градация банкротства по категориям и по характеру вины должника. Во всем видна попытка дойти до сути, найти причины, ведущие к разорению юридического лица. Такой черты у западных юристов не наблюдается.

Именно поэтому считается, что анализ и учет в суде причин, повлекших за собой банкротство юридического лица, позволили бы предпринять действенные шаги к применению конкурсного производства в отношении безнадежных должников, либо к возрождению испытывающих временные трудности, но рентабельных предприятий.

Интересно, что уже в раннем законодательстве о банкротстве наблюдается введение очередности удовлетворения требований кредиторов. Сначала должны были учесть интересы князя, за ним имели право удовлетворить свои требования иностранные купцы, местные кредиторы были последними в очереди. В Уложении 1649 года – более позднем российском законодательном документе – преимущество в удовлетворении требований кредиторов отдавалось иностранным кредиторам и государственной казне[1].

В 1740 году в России вводится кодифицированный законодательный акт Банкротский устав, а в 1800 году – Устав о банкротах. В последнем документе несостоятельным признавалось лицо, которое не могло расплатиться по своим долгам. Законодатель определяет несколько видов банкротства, а именно: от подлога, от несчастья, от пороков и небрежности. Меры воздействия на должника также разграничивались в зависимости от каждого из видов несостоятельности. Если не был доказан его злой умысел, к нему применялись справедливые действия. Должника, ставшим банкротом «от несчастья», освобождали от ответственности по всем своим долгам[2].

В то время помимо традиционных процедур конкурсного производства российское законодательство определяло и другие процедуры, направленные на восстановление платежеспособности юридических лиц-банкротов. Для исполнения этих процедур законодатель создавал специальные органы – администрации по торговым делам[3].

Г. Шершеневич, сравнивая деятельность администраций по торговым делам и конкурсное производство, писал: «В противоположность конкурсному процессу, который имеет своей целью ликвидировать дела несостоятельного должника для того, чтобы равномерно и соразмерно удовлетворить всех его кредиторов, администрация по торговым делам имеет своей задачей восстановить пошатнувшиеся дела должника для полного удовлетворения кредиторов»[4].

В обязательства администраций входило восстановление платежеспособности должника, приведение организации в такое положение, которое давало бы возможность не только удовлетворить требования кредиторов, но и обеспечить стабильное существование организации.

Стоит заметить, что российский институт администраций отличался от западного, где для того чтобы предотвратить банкротство, к должнику применялись такие меры, как судебная ликвидация, предупредительная мировая сделка, отсрочка в платежах. Зарубежный законодатель сохранял за должником возможность управлять своим имуществом, а по законодательству России должника отстраняли от управления имуществом.

Однако и в то время было замечено, что в отношении некоторых организаций и должников не проводили реабилитирующие меры, поскольку было понятно, что и после них предприятие будет убыточным и не сможет продолжить свою деятельность.

Таким образом, в истории России наблюдается несоответствие интересов кредиторов и попечителей (арбитражных управляющих), что вполне возможно объяснить самой сущностью рассматриваемого института несостоятельности и его специфическим субъектным составом. Однако целью нового законодательства о несостоятельности является поиск путей эффектив-

---

[1] Российское законодательство X–XX веков: в девяти томах. Т. 2. – М.: НОРМА, 2009. – С. 68.
[2] Российское законодательство X–XX веков: в девяти томах. Т. 3. – М.: НОРМА, 2009. – С. 93.
[3] Там же. – С. 151.
[4] Шершеневич Г. Учебник русского гражданского права. – М.: Проспект, 2011. – С. 266.

ного удовлетворения интересов всех субъектов арбитражного процесса, которое вполне возможно при условии профессиональной и добросовестной работы управляющих, которым важно учесть интересы организации, а не свои собственные.

После Октябрьской революции начало осуществляться и регулирование банкротства. В ГК РСФСР 1922 года были включены нормы, регламентирующие отношения, которые возникали в связи с несостоятельностью физических лиц и гражданских и торговых товариществ. Однако на практике было затруднительно применять данные нормы, поскольку ГПК РСФСР 1923 года не регулировал процедуру несостоятельности. Лишь в 1927 году ГПК был дополнен главой 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических». Статья 318 определяла признаки несостоятельного должника: «Должник, прекративший платежи по долгам на сумму свыше трех тысяч рублей или долженствующий прекратить их на означенную сумму по состоянию своих дел, может быть признан несостоятельным, если судом будет установлена неспособность его к полной оплате денежных требований кредиторам»[1].

Статья 322 раздела 2 «О подсудности и порядке производства о несостоятельности» регламентировала, что если дело о несостоятельности возбуждал должник, ему необходимо было предоставить в суд список своих кредиторов с указанием их места жительства и сведения о состоянии их имущества.

Замечено, что законодательство рассматриваемого периода содержало материальные признаки банкротства. Оно не подходило к институту несостоятельности с формальной стороны и учитывало не только денежные обязательства должника, что очень важно и в настоящее время. В законе говорилось именно о неспособности исполнить свои денежные обязательства, подразумевая, что неплатежеспособность хозяйствующего субъекта может быть вызвана временными обстоятельствами, условиями его финансово-хозяйственной деятельности. В некоторых государствах такое состояние называют «практической неплатежеспособностью». По истечению определенного времени проблема такого вида банкротства разрешалась.

В 1929 году законодатель дополнил ГПК РСФСР двумя главами: «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ» (гл. 38) и «О несостоятельности кооперативных организаций» (гл. 39). Банкротство могли инициировать по решению суда или прокурора, по иску кредиторов, самого должника, а также ведомства, которому подчинена организация должника. Вводились новые аспекты процедуры банкротства: мировое соглашение, ликвидация имущества при объявлении должника несостоятельным, процедура «особого управления» имуществом неплатежеспособных должников. Последняя процедура предусматривалась для организаций, деятельностью которых интересовалось государство, и определяла предоставление таким должникам уменьшение долгов, а также отсрочку и рассрочку.

В начале 60-х годов общие нормы о банкротстве были исключены из гражданского законодательства. В связи с изменением конституционного строя, изменением законодательства, переходом к новым экономическим, социальным и политическим отношениям институт несостоятельности (банкротства) снова появился в гражданском праве России.

Так, в п. 3 ст. 24 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[2] говорилось, что предприятие, не выполнявшее свои финансовые обязательства, в судебном порядке могло быть объявлено банкротом в соответствии с законодательством РСФСР.

Другой нормативный правовой акт, посвященный проблемам несостоятельности организаций – Указ Президента РФ от 14 июня 1993 года «О мерах по поддержанию и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур»[3] – возможно было использовать только в отношении государственных организаций,

---

[1] Российское законодательство X–XX веков: в девяти томах. Т. 3. – М.: НОРМА, 2009. – С. 115.

[2] О предприятиях и предпринимательской деятельности: Закон РСФСР [от 25 декабря 1990 года № 445-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 30. – Ст. 418.

[3] О мерах по поддержанию и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур: Указ [Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 года № 623] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 25. – Ст. 1419.

в то время как уже существовала необходимость урегулировать отношения, связанные с несостоятельностью организаций других форм собственности, нежели государственные. Для регулирования института банкротства 19 ноября 1992 года был принят Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»[1], затем в ГК РФ[2] банкротству были посвящены ст. № 25 и № 65.

Впоследствии во исполнение Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» были изданы такие акты, как Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 года № 2264 «О мерах по реализации законодательных актов о несостоятельности (банкротстве) предприятий»[3], Постановление Правительства РФ от 20 мая 1994 года № 498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий»[4]. Последний документ устанавливал критерии, с помощью которых юридическое лицо – должника можно было признать несостоятельным, а также предусматривал меры финансового оздоровления и порядок ликвидации.

До принятия нового ГК РФ понятия и признаки несостоятельности организации регламентировала ст. 1 Закона о банкротстве. Закон разделял признаки банкротства на внешние и сущностные. К внешним признакам несостоятельности (банкротства) относят приостановление текущих платежей в течение трех месяцев со дня наступления сроков их исполнения, а также приостановление платежей, связанное с тем, что должник не способен обеспечить выполнение требований кредитора. Сущностными признаками считаются неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), в том числе обеспечить платежи в бюджет и внебюджетные фонды в связи с превышением обязательств должника над его имуществом. Второй самостоятельный состав сущностных признаков несостоятельности должника был связан с неспособностью удовлетворить требования кредиторов по причине неудовлетворительной структуры его баланса. Таким образом, законодатель и дореволюционной, и Советской России отдавал предпочтение не формальным, а сущностным признакам несостоятельности.

Федеральный закон от 8 января 1998 года № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (статьи 3 и 5), наоборот, закрепляет лишь формальный признак банкротства. То есть для определения критериев несостоятельности (банкротства) организации берутся во внимание лишь денежные обязательства должника и его обязанность по уплате обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды.

Таким образом, все нормативные правовые акты, принятые в России до 1990-х годов XX века, доказывают предпочтение законодателя внешних признаков банкротства, что приводит к разрушению исторически сложившейся концепции банкротства.

---

[1] О несостоятельности (банкротстве) предприятий: Закон РФ [от 19 ноября 1992 года. № 3929-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1993. – № 1. – Ст. 6.

[2] Гражданский кодекс РФ: часть 1 [от 30 ноября 1994 года. № 51-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[3] О мерах по реализации законодательных актов о несостоятельности (банкротстве) предприятий: Указ [Президента РФ от 22 декабря.1993 года. № 2264] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 52. – Ст. 5070.

[4] О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий: Постановление [Правительства РФ от 20 мая 1994 года № 498] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 5. – Ст. 490.

К. А. Шарова

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В Конституции Российской Федерации закреплены положения, составляющие основу государственной молодежной политики, а также устанавлено разграничение предметов ведения между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления. В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Конституция РФ содержит базовые положения, касающиеся порядка образования и деятельности общественных объединений, распространяемые на молодежные объединения. Согласно ч. 1 ст. 30 Конституции РФ каждый имеет право на объединение, свобода деятельности общественных объединений гарантируется. Частью 2 той же статьи устанавливается, что никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Действующее в настоящее время законодательство, регулирующее государственную молодежную политику в России, определяется постановлением Верховного Совета СССР от 3 июня 1993 года № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» в той части, в которой они не противоречат Конституции РФ. Нормативный акт декларирует единство целей и принципов государственной молодежной политики в Российской Федерации для всех уровней государственной власти и управления. Государственная молодежная политика определена как деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Она выражает в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека.

В федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» в ст. 16 «Полномочия Правительства Российской Федерации в социальной сфере» определено, что Правительство РФ принимает меры по реализации молодежной политики.

Стратегия государственной молодежной политики, разработанная на период до 2016 года, определяет совокупность приоритетных направлений, ориентированных на молодежь[1]. В качестве таких приоритетных направлений Стратегия определяет создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие ее потенциала в интересах России.

В 2008 году была принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», а в 2011 году – «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». В этих программных документах российской молодежи придается самостоятельная роль. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года были заявлены долгосрочные цели и задачи молодежной политики, направленные на позиционирование молодежи как одного из основных субъектов инновационного развития страны, а также активного агента гражданского общества. Большое внимание в Концепции уделялось самореализации молодежи, волонтерству, гражданскому образованию и патриотическому воспитанию молодежи. В значительной мере в документе были зафиксированы основные векторы государственной молодежной политики, имеющие стратегическое значение.

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р) // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящее время полномочия в сфере молодежной политики осуществляет Министерство образования и молодежной политики Волгоградской области на основании п. 2.5. постановления Губернатора Волгоградской области от 19 ноября 2013 года № 1189 «Об утверждении положения о министерстве образования и молодежной политики Волгоградской области». Постановление призвано определить сферу компетенции государственного органа в соответствии с приоритетами государственной молодежной политики, реализация которых обеспечит выполнение важнейших задач социально-экономического развития Волгоградской области.

Министерство образования и молодежной политики Волгоградской области осуществляет следующие полномочия в сфере молодежной политики:

– разработка и реализация планов, межмуниципальных и региональных мероприятий и программ по работе с детьми и молодежью;

– обеспечение сотрудничества общественных объединений с государственными органами Волгоградской области;

– обеспечение научно-методической и информационной поддержки молодежной политики;

– формирование и ведение областного реестра специализированных организаций, осуществляющих работу с детьми, подростками и молодежью, и реестра детских и молодежных общественных объединений;

– формирование единой молодежной информационно-образовательной инфраструктуры Волгоградской области;

– оказание содействия в занятости и профессиональном самоопределении молодежи;

– оказание поддержки предпринимательской деятельности молодых людей;

– оказание поддержки молодым семьям;

– участие в мероприятиях, направленных на поддержку молодежи в сферах физической культуры, спорта и здравоохранения;

– оказание поддержки талантливой молодежи;

– участие в мероприятиях по профилактике негативных проявлений в молодежной среде;

– организация мероприятий по допризывной подготовке молодежи, патриотическому, гражданскому, духовно-нравственному воспитанию;

– оказание поддержки Молодежному парламенту Волгоградской области, координация деятельности Молодежного правительства Волгоградской области;

– организация отдыха и оздоровления, трудового воспитания молодого поколения;

– участие в проведении и организации новогодних мероприятий для детей;

– обеспечение развития молодежного добровольческого движения;

– обеспечение поддержки молодых ученых и специалистов в научно-образовательной сфере;

– организация и обеспечение проведения профильных лагерей (смен), санаторно-курортного лечения, отдыха и оздоровления детей;

– организация переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих и работников государственных организаций, осуществляющих реализацию молодежной политики;

– участие в обеспечении подготовки, переподготовки и повышения квалификации лиц, замещающих выборные муниципальные должности, муниципальных служащих и работников муниципальных организаций, осуществляющих реализацию молодежной политики;

– организация переподготовки кадров детских и молодежных общественных объединений.

Закон Волгоградской области «О государственной молодежной политике в Волгоградской области» № 2210-ОД был принят 15 июля 2011 года. В законе особое внимание уделяется реализации молодежной политики как части единой государственной политики в сфере культурного, социально-экономического и политического развития Волгоградской области, а также определения ее организационных направлений и основ на территории региона.

В законе даны определения следующим понятиям: государственная молодежная политика в Волгоградской области; молодежь; молодая семья; дети; единая молодежная информационно-образовательная инфраструктура.

Государственная молодежная политика в Волгоградской области – это система мер органов государственной власти региона, направленных на создание социальных, правовых, экономических, воспитательных и организационных условий для реализации молодыми гражданами своих конституционных прав, участие молодых людей в системе общественных и экономических отношений, реализацию своего интеллектуального, духовного и экономического потенциала в интересах общества.

Молодежь – граждане Российской Федерации, включая лиц с двойным гражданством, в возрасте от 14 до 30 лет; иностранные граждане, лица без гражданства в возрасте от 14 до 30 лет.

Молодая семья – семья, в которой возраст каждого супруга не превышает 35 лет (для неполных семей с детьми возраст отца или матери также не превышает 35 лет).

Дети – лица, не достигшие возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

Единая молодежная информационно-образовательная инфраструктура – сеть центров информации для молодежи, молодежных информационно-консультационных пунктов, предприятий информационного профиля, печатных и электронных средств массовой информации, организаций, обеспечивающих их функционирование[1].

Цели молодежной политики: содействовать культурному, социальному, физическому, духовно-нравственному и гражданско-патриотическому развитию молодежи; реализовывать инновационный потенциал молодежи; создавать и обеспечивать правовые, экономические и организационные гарантии, стимулы и условия деятельности молодежных общественных объединений, направленных на самореализацию и социальное становление молодых граждан, а также защиту и охрану их прав; создавать условия для эффективной самореализации и успешной социализации молодых людей, реализовывать и развивать потенциал молодого поколения и использовать его в интересах инновационного развития России.

Задачи молодежной политики: формировать у молодых людей высокую деловую активность, владение основными принципами и навыками эффективного поведения в сфере профессионального обучения и труда; обеспечивать законные права и защиту интересов молодых граждан; создавать условия, способствующие интеллектуальному, физическому и духовному развитию молодых людей; оказывать поддержку молодым семьям; развивать и реализовывать творческий потенциал и оказывать поддержку молодежным инициативам; обеспечивать доступ молодежи к информации, необходимой для ее активного участия во всех сферах общественной жизни; оказывать поддержку и социальную адаптацию молодых граждан, испытывающих проблемы с интеграцией в общество (инвалидов; выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; лиц, освободившихся из мест лишения свободы); создавать систему противодействия распространению в молодежной среде асоциальных явлений; оказывать поддержку молодежным объединениям; создавать необходимые условия для деятельности социальных служб по работе с молодежью; обеспечивать для молодых людей гарантии в сфере труда, занятости населения, содействовать их предпринимательской деятельности, предоставлять гарантированные социальные услуги; обеспечивать доступ к получению общего и профессионального образования в рамках государственного стандарта; оказывать содействие в осуществлении международных контактов молодых людей и их объединений; содействовать формированию нравственных, культурных и правовых ценностей в молодежной среде.

К **приоритетным направлениям** молодежной политики относят: соблюдение прав и свобод молодых людей, в том числе в сфере труда, занятости и образования; оказание поддержки молодых семей, в том числе в улучшении жилищных условий; поддержку молодых людей в сферах физической культуры и спорта, здравоохранения; поддержку талантливой мо-

[1] О государственной молодежной политике в Волгоградской области: Закон [Волгоградской области от 15 июля 2011 года № 2210-ОД] // URL: http://kdm.volganet.ru/pravo_doc/

лодежи; проведение профилактики негативных проявлений в молодежной среде; патриотическое, гражданское и духовно-нравственное молодежи; оказание поддержки предпринимательской деятельности молодежи; содействие международным молодежным обменам.

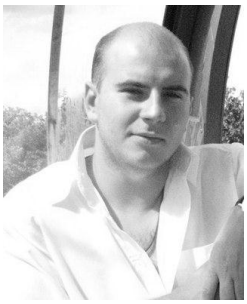
Молодежная политика в Волгоградской области реализуется на основе следующих **принципов:** признание потребностей и интересов молодых людей как особой социальной группы современного общества на основе равенства ее законных прав и интересов с правами и интересами других социальных групп и общества в целом; уважение личности молодого гражданина; привлечение молодых людей непосредственно или через молодежные объединения к участию в формировании и реализации программ, касающихся молодежи и общества в целом; системный комплексный подход, предусматривающий объединение усилий различных социальных и экономических институтов, межотраслевое и межведомственное взаимодействие органов государственной власти Волгоградской области в реализации молодежной политики[1].

Государственная программа «Региональная молодежная политика Волгоградской области» утверждена постановлением Правительства Волгоградской области от 7 апреля 2014 года № 170-п. Целью государственной программы является реализация молодежной политики на территории Волгоградской области. Государственная политика в указанной сфере деятельности будет осуществляться посредством решения таких задач, как: вовлечение молодежи в социальную практику; совершенствование системы гражданского образования и патриотического воспитания молодежи, условий формирования правовых, нравственных и культурных ценностей среди молодежи. Государственная программа реализуется в 2014–2016 годах в один этап и включает в себя две подпрограммы: «Вовлечение молодежи Волгоградской области в социальную практику» и «Гражданско-патриотическое воспитание граждан Волгоградской области».

Таким образом, в целях комплексного обеспечения законодательного регулирования молодежной политики положения Конституции Российской Федерации должны быть развиты в федеральном законе «Об основах молодежной политики в Российской Федерации». Закон должен стать базовым федеральным законом, консолидирующим все действующие правовые нормы, касающиеся молодежной политики. Он должен закрепить основные понятия, касающиеся молодежной политики, до сих пор не закрепленные на уровне федерального законодательства, такие как: молодежь (молодые граждане); молодая семья; молодой специалист: молодежная работа; неформальное молодежное образование; общественно-значимая деятельность молодежи.

Закон должен нормативно определить систему управления и ответственность различных уровней власти за реализацию молодежной политики, ее общественно-государственный характер и основные принципы, роль молодежи и ее гражданских союзов в сфере общественных отношений. Закон должен решать задачу координации исполнительно-распорядительной деятельности в сфере молодежной политики федеральным органом власти на всех уровнях власти, в том числе на основе механизма передачи федеральных полномочий в сфере молодежной политики на уровень субъектов Российской Федерации и муниципалитетов.

[1] О государственной молодежной политике в Волгоградской области: Закон [Волгоградской области от 15 июля 2011 года № 2210-ОД] // URL: http://kdm.volganet.ru/pravo_doc/



Р. И. Мантула, О. С. Чернышова

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ УЧАЩИХСЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК ВУЗОВ[1]

В настоящее время значение процессов, связанных с повышением правовой культуры и уровня правосознания молодых российских граждан, неуклонно набирает обороты[2]. Одним из условий развития демократического государства является воспитание просвещенного, думающего и свободного гражданина, который не только смог бы инициировать преобразования в обществе, но и осознавать моральную и юридическую ответственность за совершенные поступки[3]. Как справедливо отмечает В. В. Стреляева, это особенно стало популярно и актуально в последние десятилетия, когда наша страна (в связи с переходом к рыночной экономике и активной ориентации политического пути на демократическое развитие государства и общества) стала активно воспитывать в гражданах убеждение, что знание права, участие в праве, правовая воспитанность – это необходимые элементы успешной жизнедеятельности, экономического благосостояния нации вообще и отдельных лиц в частности[4].

С принятием основ государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан[5] в нашей стране официально признано, что именно российское государство и общество должны создавать необходимые условия, обеспечивающие развитие правовой культуры и правовое воспитание подрастающего поколения. Если Россия в будущем планирует позиционировать себя как правовое государство, основу которого составляют законопослушные граждане, то необходимо обратить внимание не только на проблемы правового воспитания, но и на разработку и внедрение программ по ликвидации правового безграмотности и правового нигилизма. Правовой инфантилизм и правовой нигилизм, низкая правовая культура, несоблюдение и нарушение законов – вот что показали многочисленные

[1] Статья подготовлена по материалам деятельности волонтерской организации центра правового консультирования и просвещения НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

[2] Долгополов О. А. Организация правового воспитания в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 43.

[3] Зельников Ю. И. Институт регионального уполномоченного по правам человека в системе правового просвещения населения (на примере Калужской области) // Омбудсмен. – 2013. – № 1. – С. 34–39.

[4] Стреляева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 38.

[5] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [утверж. Президентом РФ 28 апреля 2011 года № Пр-1168] // Российская газета. – 2011. – № 151. – 14 июля.

исследования среди несовершеннолетних граждан России. Экспертами Общественной палаты РФ рекомендовано всемерно и срочно активизировать совместные усилия органов власти и специализированной общественности по нормализации ситуации с подрастающим поколением, снижению агрессивности, укреплению семейных ценностей и повышению уровня правового сознания населения нашей страны[1]. Тем самым российское государство и общество подтвердили, что есть такая общенациональная проблема. Но не менее важным и одновременно сложным оказывается вопрос определения эффективного механизма правового воспитания молодежи на локальном, региональном и федеральном уровнях. В сегодняшних условиях, когда одним из направлений государственной политики выступает активизация процессов правового просвещения населения, остро стоит вопрос о том, каким образом возможно достичь наиболее эффективных результатов, устранение каких явлений общественной жизни будет этому способствовать. Так как в результате отсутствия четко установленной системы организации правового воспитания в России «происходит увеличение процента тяжких преступлений, количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, правовой нигилизм, рост преступности, что является серьезной помехой созданию правового государства, уменьшающей реальную силу права, его активную роль в обществе, не позволяющей гражданам в полной мере осуществлять предоставленные законом возможности»[2].

Подросток с первых дней пребывания в учебном заведении включен в определенную правовую систему. Более того, как гражданин России, согласно Конституции Российской Федерации[3], он приобретает «основные права и свободы» от рождения (п. 2 ст. 17 Конституции РФ). И вся его последующая жизнь протекает в определенном правовом пространстве и регулируется конкретными отраслями российского права или отдельными законами и подзаконными актами. К ним можно отнести правовые акты международных организаций, текущее законодательство России и некоторые ведомственные нормативные акты.

Исследования показали, что значительная часть учащихся образовательных учреждений практически не знакома с содержанием законов России, и прежде всего, с содержанием Основного закона Гражданина России – Конституции РФ. Школьники слабо представляют правовую систему государства, совершенно безграмотны в области отправления своих прав и обязанностей как субъектов правоотношений. У подростков порой нет правильной правовой модели законопослушного поведения. В жизни они чаще всего руководствуются собственной интуицией, а то и недостоверными или некомпетентными советами.

Хотелось бы обратить внимание на то, что немаловажная роль в разработке и внедрении программ правового воспитания учащихся отводится юридическим клиникам вузов России[4], которые должны действовать по принципу «молодые учат молодых».

С 2010 года на базе Центра правового консультирования и просвещения НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса» действует Волонтерская организация[5] – объединение студентов, осуществляющих под руководством преподавателей добровольную, безвозмездную, социально-полезную юридическую деятельность, основными целями которой являются:

1. Правовое воспитание и просвещение, преодоление правового нигилизма и повышения правовой культуры учащихся;

---

[1] Мирошник Е., Пантелеев Б., Фурсова И. Правовое просвещение молодежи // ЭЖ-Юрист.– 2013. – № 16. – С. 8.

[2] Долгополов О. А. Организация правового воспитания в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 56.

[3] Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ) // URL: http://www.pravo.gov.ru

[4] О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон [от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ] // Российская газета. – 2011. – № 263. – 23 ноября.

[5] Отв. лица за работу Волонтерской организации Центра правового консультирования и просвещения НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса»: Лукаш А. И., к. с. н., доцент кафедры гражданского права, куратор юридического факультета НОУ ВПО ВИБ; Долгова Н. А., директор Центра правового консультирования и просвещения, и. о. декана юридического факультета НОУ ВПО ВИБ; Мантула Р. И., руководитель Волонтерской организации Центра правового консультирования и просвещения НОУ ВПО ВИБ.

2. Развитие у учащихся необходимых профессиональных качеств: социальной ответственности, чувства гражданского долга, самостоятельности, инициативности, целеустремленности, коммуникабельности.

В рамках волонтерского движения в 2013–2014 учебном году в рамках реализации семи социально-значимых проектов волонтерами проведены следующие основные мероприятия:

1. Классные часы на темы, посвященные 20-летию Конституции Российской Федерации. (МОУ СОШ № 76, 98, 48, 77, 96, 13).
2. Интерактивная игра для младших классов на тему «Конституция Российской Федерации». (МОУ СОШ № 76, 98, 13, 96).
3. Профилактика наркомании в молодежной среде. Мы считаем, что данная тема является неотъемлемой частью правового просвещения, осуществляемого юридическими клиниками вузов России. Волонтеры Центра правового консультирования и просвещения НОУ ВПО ВИБ в школах г. Волгограда проводят лекции и занятия по профилактике наркомании, табакокурения и детского алкоголизма, демонстрируют документальные и художественные фильмы (МОУ СОШ № 76, 98, 48, 77, 96, 13, 121, 114, гимназия № 4, лицей № 6).
4. Деловая игра по теме «Моя законотворческая инициатива» (Муниципальное образовательное учреждение межшкольный учебный комбинат Советского района г. Волгограда).
5. Классный час по теме «Противодействие коррупция» (Муниципальное образовательное учреждение межшкольный учебный комбинат Советского района г. Волгограда).

По результатам проведения данных мероприятий имеются отличные отзывы образовательных учреждений г. Волгограда.

Волонтерская деятельность имеет много положительных моментов. Это благодарность тех, кому ты помог, удовлетворение от хорошо сделанной работы, возможность реализовать себя, приобретение друзей-единомышленников, интересное проведение свободного времени, получение новых знаний и навыков, общекультурных и профессиональных компетенций, расширение кругозора, подготовка к будущей профессии и работе.

В рамках развития российского государства отличная просветительная работа среди подростков должна дать в будущем ощутимые положительные результаты. Правильно проведенные профилактические мероприятия обязательно станут сдерживающим фактором и уменьшат количество правонарушений среди молодых людей, повернут их к закону, воспитают в них дух законопослушного гражданина. Россия как государство повсеместно должно поддерживать подобную инициативу вузов, в том числе на методологическом, информационном и финансовом уровнях.

Как отмечает А. И. Лукаш, итогом вышеназванной работы является не только развитие у обучающихся гражданско-правовых, духовно-нравственных и эстетических компетенций, преодоление правового нигилизма и экстремистских проявлений, но и формирование позитивного морально-психологического климата в студенческой среде[1].

[1] Лукаш А. И. О некоторых проблемах социализации молодежи в контексте правового воспитания и просвещения // Материалы II Всероссийской конференции по проблемам правового воспитания и просвещения детей. – Волгоград: ВолГУ, 2012. – С. 82.

М. В. Образцова

ЗНАЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА КАК АКТА ПРАВОСУДИЯ

В соответствии с п. 10 ст. 34 УПК РФ[1], приговором является судебное решение первой инстанции, которое вынесено в процессе заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания.

Законом к приговору предъявлены некоторые требования, указанные в частности в ст. 301, 342, 347 УПК. Статья 301 УПК РФ[2] гласит, что приговор суда должен быть логично обоснован и мотивирован и иметь законное основание.

Судебная власть как ветвь государственной власти обязана следить за обеспечением защиты прав, свобод и законных интересов участников правовой структуры, что, в частности, подразумевается под формами ее деятельности, организационно представленные системой правосудия. Таким образом, система правовых актов органов судебной власти выступает предопределением функциональной стороны судебной ветви власти.

Ряд факторов подтверждает законность приговора. Производство по установлению обстоятельств уголовного дела осуществляется на всех уровнях компетентными органами и лицами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Законный судебный состав выносит приговор. Содержание, форма, порядок и условия вынесения соответствуют требованиям уголовно-процессуального законодательства. Решения суда о составе преступления, применении наказания, возмещении материального ущерба принимаются на основании уголовного, гражданского и трудового законодательства. Законность приговора выражается в его справедливости, соответствии назначенного наказания судом тяжести преступления и личности осужденного (ст. 347 УПК РФ[3]).

Обоснованность приговора также является важным фактором при определении законности вынесенного решения суда. Обоснованный приговор может считаться таковым при условии, судебные заключения приняты на основе рассмотренных и принятых к делу доказательств, а также всесторонне, полно и объективно установлены в процессе судебного заседания.

Материально-правовое и процессуальное основание приговора заключается в том, что данный правовой акт завершает судебное разбирательств и все производство по делу в целом, подводя соответствующий итог.

Законность приговора и его обоснованность неразрывно связаны, однако, это в полной мере самостоятельные качества судебного решения. Причем первое из них определяет отношение суда к закону, а второе – его отношение к фактам применения закона в конкретной ситуации.

Приговор должен быть мотивирован. Именно это имеет значение в отношении характеристик деяния, событий, обстоятельств, ссылок на доказательства, их анализа, соответствующих разъяснений. Мотивированность приговора выражена в альтернативной сути принимаемых решений по делу.

Приговор может быть обоснован, все соответствующие утверждения и выводы могут соответствовать материалам дела, но при этом он может быть немотивированным при условии отсутствия изложения мотивов принятия решения и объяснений по поводу принятия того или иного решения (см. ст. 305, 397 УПК РФ).

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 5 мая 2014 года)] (с изм. и доп., вступ. в силу с 25 мая 2014 года) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] Там же.

Итоговое судебное решение должно быть законно и обоснованно, но также оно должно быть справедливо, ведь нравственная сторона приговора неизмеримо важна при назначении наказания на основании уголовного законодательства.

Справедливость приговора означает, что наказание, отраженное в нем, должно быть в пределах санкции конкретной статьи УК РФ и соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, учитывать в полной мере особенности личности подсудимого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и иные обстоятельства.

Также имеются случаи, когда суды, не производя надлежащую оценку обстоятельств, материалов дела, выносят решение на основе неверного представления о сути и характере произошедшего события, не уточняя мотива осужденного, принимая во внимание только обстоятельство, касающееся тяжести причиненного вреда. Это приводит к неверному квалифицированию действий виновного, допущению ошибок при применении материального закона по причине неполного исследования обстоятельств, которые имеют значение в области действий виновных.

Законный, обоснованный и справедливый приговор имеет воспитательное воздействие не только на подсудимого, но и на всех граждан.

Законный приговор – это основа процессуального законодательства, его будущее. Избежание ошибок при принятии судебного решения, которое, конечно, должно быть законно, в прямом смысле спасет множество жизней. Так, человек, необоснованно и незаконно осужденный за преступное деяние, которое он не совершал, подвергается тяжелейшему испытанию, как физическому, так и духовному. Это наносит чаще всего непоправимый урон его личности, его духовному здоровью. А только здоровый человек во всех отношениях формирует в широком смысле правовое государство, к которому издревле стремится Россия.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Управленческое решение должно отвечать требованиям экономичности, быть своевременным, обоснованным и реально осуществимым. Все вышеназванное сопровождается правовым регулированием.

Регулировать – значит упорядочивать, воздействовать на регулируемый объект с целью ввести его в определенные рамки и обеспечить его деятельность в определенном правовом поле.

В правовом регулировании участвуют не только нормы права, но и правоприменительные предписания. Применительно к работнику юридического труда это означает, что в процессе применения права при выработке и принятии управленческих решений он не просто распространяет положения юридических норм на данный случай, а определяет (изменяет, закрепляет, корректирует и т. п.) содержание прав и обязанностей, меру юридической ответственности и некоторые другие условия участников правоотношения. Таким образом, с помощью применения права происходит упорядочение отношений участников разработки, принятия и последующей реализации управленческого решения, т. е. их регулирование, поддерживается сам процесс управления.

При оформлении управленческих решений реализуется ряд направлений юридической деятельности: коммуникативное, социальное, поисковое, реконструктивное, организационное и удостоверяющее, и, как правило, имеется результат, обладающий юридической правовой природой. Под правовой природой явления понимается та, что возникает на основании норм права (общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных или санкционированных государством, обеспечиваемых возможностью государственного принуждения, являющихся результатом общественных отношений), а также та, что в процессе своего существования и не всегда связанного с ним, но потенциально возможного функционирования соблюдает нормы права и не противоречит им, таким образом, не переступая той тонкой грани, которая отделяет правовые явления от внеправовых.

Исходя из этого, юрист при анализе вариантов управленческих решений реализует свои функции по двум основным направлениям:

– деятельность, направленная на создание нормативных актов, т. е. документов, содержащих правила поведения работников в конкретной ситуации, регламентированной правом;

– деятельность, направленная на реализацию требований, содержащихся в созданных нормативных актах, т. е. непосредственное воплощение в жизнь предписаний субъекта правотворчества, содержащихся в принятом документе.

Оба эти направления формируют единый процесс правотворческой и правореализационной деятельности. Следовательно, при подготовке управленческих решений роль юридического труда чрезвычайно важна, ибо вся она строится на основании и является прямым выражением результата реализации норм права, а сам юридический труд остается основным элементом содержания и функционирования системы управления, удерживая ее в рамках законности.

Поскольку управленческие решения в организациях принимаются всегда разные и в большом количестве, юристы выполняют целый ряд функций:

– посредническую – между коллективом и руководителем в процессе решения правовых проблем работников;

– регулятивную – при защите интересов работников и работодателей через механизмы договорных отношений и разрешения конфликтных ситуаций;

– связи с внешней средой – через представление интересов организации в суде, органах государственной власти, муниципального управления и др.;

– организационную – в период правового обоснования, подготовки и реализации внутриорганизационных мероприятий;

– информационную – в процессе разъяснения работникам организации и клиентам характера воздействия нормативных правовых актов;

– консультативную – при юридическом сопровождении различных видов производственной деятельности и участии в анализе текстов нормативных правовых актов;

– законотворческую – в случае участия в подготовке законов;

– прогностическую – через формирование умений и навыков предвидения развития тех или иных процессов по организации в связи с принятием управленческих решений.

Значение правового фактора при конструировании управленческих решений нельзя рассматривать статически в каком-то одном измерении. При объединении усилий руководителей и юристов чаще всего наблюдается раскрепощение сознания от устоявшихся установок и стереотипов, что позволяет с новых позиций увидеть варианты устранения возникшей проблемы. Это достаточно сложный процесс обдумывания новых путей и способов исправления ситуации с тенденцией к лучшему решению. С помощью инструментов права возможно:

– разграничить и распределить сбор, обработку и направление результатов анализа информации по разным уровням подготовки материалов для управленческих решений;

– рационально построить систему принятия решения и точно соотнести ее с системой ответственности;

– наиболее целесообразно распределить в системе принятия решений соотношение экспертной оценки с действиями должностных лиц, ответственных за принятие и реализацию принятой к исполнению управленческой программы;

– определить формальные (нормативные) границы свободы в процессе принятия должностным лицом управленческого решения с тем, чтобы не допустить как произвола, с одной стороны, так и ограничения инициативы, с другой;

– обеспечить точное распределение функциональных ролей персонала управления, их прав и обязанностей, создать систему взаимосвязей управленческих отношений.

Наиболее важна в этом случае правовая регламентация, при которой порядок и последовательность самого процесса управленческой деятельности стандартизирован и зафиксирован в соответствующих нормативных правовых актах: уставе, положениях, должностных инструкциях, правилах и т. п.

Таким образом, право предопределяет принимаемое управленческое решение по конкретному вопросу, устанавливая границы волеизъявления применяющих право должностных лиц путем запретов, предписаний и дозволений. Оно, конечно же, способствует выработке и принятию оптимальных, с целесообразными затратами, решений, что проверяется в последующем на практике: круг наиболее допустимых вариантов управленческого решения очерчивается применяемыми нормами права. Существенно то, что в процессе правоприменения происходит воздействие права на детали самого содержания управленческого решения, при котором право или абсолютно определенно указывает, каким должно быть содержание решения в подобных ситуациях, или подсказывает относительно определенные (от … и до …) либо альтернативные (или … или …) предписания, что влияет на содержание принимаемых решений. Таким образом, применение норм права является своеобразным ключом, позволяющим открыть доступ к принятию управленческих решений.

Совместная работа руководителей и представителей юридической службы позволяет создать в организации такую систему отношений, в которой успешно развиваются коммуникационные связи, от участников добиваются скоординированных действий, отвечающих характеру готовящихся и принимаемых решений, от внимания не ускользают подчас многие мотивы, определяющие поведение человека в сфере управления, в том числе и те, которые более всего соответствуют жизненному опыту, интересам и внутренним потребностям людей.

Правовое регулирование может играть несколько ролей в процессе принятия управленческих решений и распространяется на все принимаемые в организации решения.

В первом случае, если альтернативные варианты решения не «пересекаются» с требованиями законодательства, правовое регулирование не влияет на процесс принятии решения.

Во втором случае, когда имеет место частичное пересечение альтернативных вариантов решений и требований законодательства, правовое регулирование подсказывает относительно определенные границы решения либо допустимые альтернативные варианты (от … и до …; или … или …).

В третьем случае, когда требование законодательства полностью ограничивают возможные решения, происходит «диктовка» выбора определенного варианта решения, т. е. правовое регулирование абсолютно определенно указывает, каким должно быть содержание решения.

Рассмотрим сам процесс принятия управленческого решения в хозяйствующем субъекте.

Л. А. Трофимова указывает, что управленческие решения осуществляются посредством динамического и внутренне взаимосвязанного процесса, состоящего из функций принятия решений, представленных на рис. 1[1].

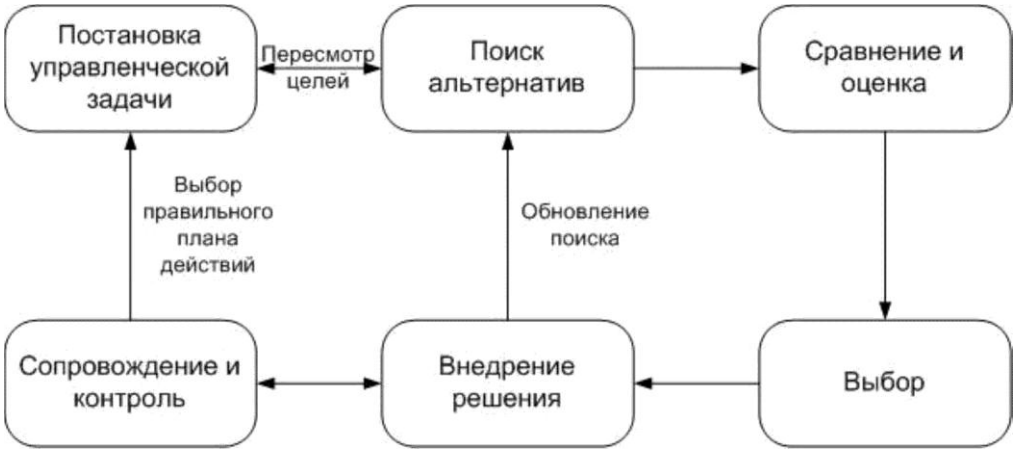


Рис. 1. Процесс принятия управленческого решения.

Постановка управленческой задачи включает, во-первых, осознание потребности в решении и, во-вторых, диагностику и анализ ситуации. Принятие решения начинается с постановки задачи, и данный конкретный цикл заканчивается, когда выполнена задача, которая послужила началом данного цикла.

Потребность в решении проявляется либо в виде проблемы, либо в виде возможности. Проблема возникает тогда, когда полученные организацией результаты не отвечают поставленным перед ней целям, а значит, некоторые аспекты ее деятельности требуют улучшения. Возможность означает, что менеджеры видят потенциал усовершенствования деятельности организаций, позволяющий превзойти текущие цели.

После того как проблема или возможность привлекла внимание менеджера, требуется разобраться в специфике ситуации. Этап процесса принятия решения, на котором менеджеры анализируют основные причинно-следственные связи конкретной ситуации, называют диагностикой, или просто оценкой.

Поиск альтернатив заключается в исследовании внешней и внутренней среды организации с целью получения необходимой информации, использующейся затем для выработки перечня (набора) альтернативных решений, которые, как представляется на данном этапе принятия решений, могут привести к выполнению поставленной задачи или к достижению цели.

Ограничения – это условия достижения целей организации, определяемые внешней средой и ресурсами организации. К основным ограничениям относятся законы и нормативные акты, конкуренция, ценообразование на сырье и материалы, недостаток финансовых ресурсов,

[1] Трофимова Л. А., Трофимов В. В. Методы принятия управленческих решений: учебное пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2012. – С. 80.

низкая компетентность персонала, потребности в технологиях и инновациях, сужение полномочий нижестоящих менеджеров в принятии управленческих решений.

Критерии принятия решений – это стандарты, по которым необходимо оценивать альтернативы.

Сравнение и оценка имеющихся альтернатив с использованием соответствующих методов и критериев производятся, когда имеются несколько вариантов действий.

Выбор – определение подходящей альтернативы из ряда вариантов менеджером, принимающим решение. Наилучшим вариантом является тот, который позволяет добиться результата, в наибольшей степени соответствующего целям и ценностям организации, при использовании наименьшего объема ресурсов.

Внедрение решения (реализация принятого решения на практике) осуществляется путем его перевода из плоскости абстрактных умозаключений в плоскость профессиональной реальности. На стадии реализации решений менеджерам необходимы прежде всего управленческие и административные способности, а также умение убеждать других людей. Процесс претворения решения во многом напоминает процесс внедрения стратегии, а его успех определяется тем, удастся ли менеджменту преобразовать руководящие идеи в практические действия.

Последующий анализ и контроль позволяют убедиться в том, что принятое решение действительно приведет к исходу (результату), удовлетворяющему тем задачам менеджмента, которые привели к началу процесса принятия решения.

П. В. Магданов, в свою очередь, выделяет несколько иные аспекты процесса принятия управленческих решений[1].

1. Необходимость. В самом ли деле существует проблема? Насколько она актуальна? Можно ли ее решить, и будет ли решение востребованным?
2. Методы принятия решений. Кто будет принимать решение? Какие методы будут использованы для подготовки и принятия решения?
3. Ресурсы. Какие ресурсы – временные, материальные и иные – будут затрачены на подготовку решения?
4. Пути решения. В каком направлении нужно искать варианты решения? Какие альтернативные варианты действий имеются?
5. Предвидение последствий. Что вообще может произойти в результате исполнения решения? Каковы последствия и вероятность их наступления?
6. Ожидаемые результаты. Какие результаты ожидаются от исполнения запланированных мер по разрешению проблемы? Каковы риски?
7. Ценности. Чем руководствуются бенефициары, оценивая решение? Каковы их интересы, цели и ценности (вкусы, склонности, предпочтения)?
8. Выбор. Планы имеют сильные и слабые стороны. Как сделать выбор между альтернативами, чтобы окончательно решить поставленную проблему?
9. Приемлемость. Как добиться, чтобы все заинтересованные стороны были согласны и с самим решением, и с процедурой его принятия?
10. Исполнение. Теперь известно, что и как нужно сделать. Как исполнить принятые решения? Можно ли выполнить их надлежащим образом[2]?

О. С. Коваль, в свою очередь, выделяет и классифицирует проблемы разработки и реализации управленческих решений в предпринимательских структурах по четырем признакам, позволяющим выделить наиболее критические ошибки и разработать эффективные оперативные и стратегические решения (рис. 2)[3].

---

[1] Морид А. Ш. Алгоритм процесса принятия управленческих решений и роль менеджмента в успешности этого процесса // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – № 1–1. – С. 73–77.

[2] Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 8 (127). – С. 66.

[3] Коваль О.С. Развитие технологии процесса принятия и реализации управленческих решений в предпринимательских структура: автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб, 2012. С. 7.

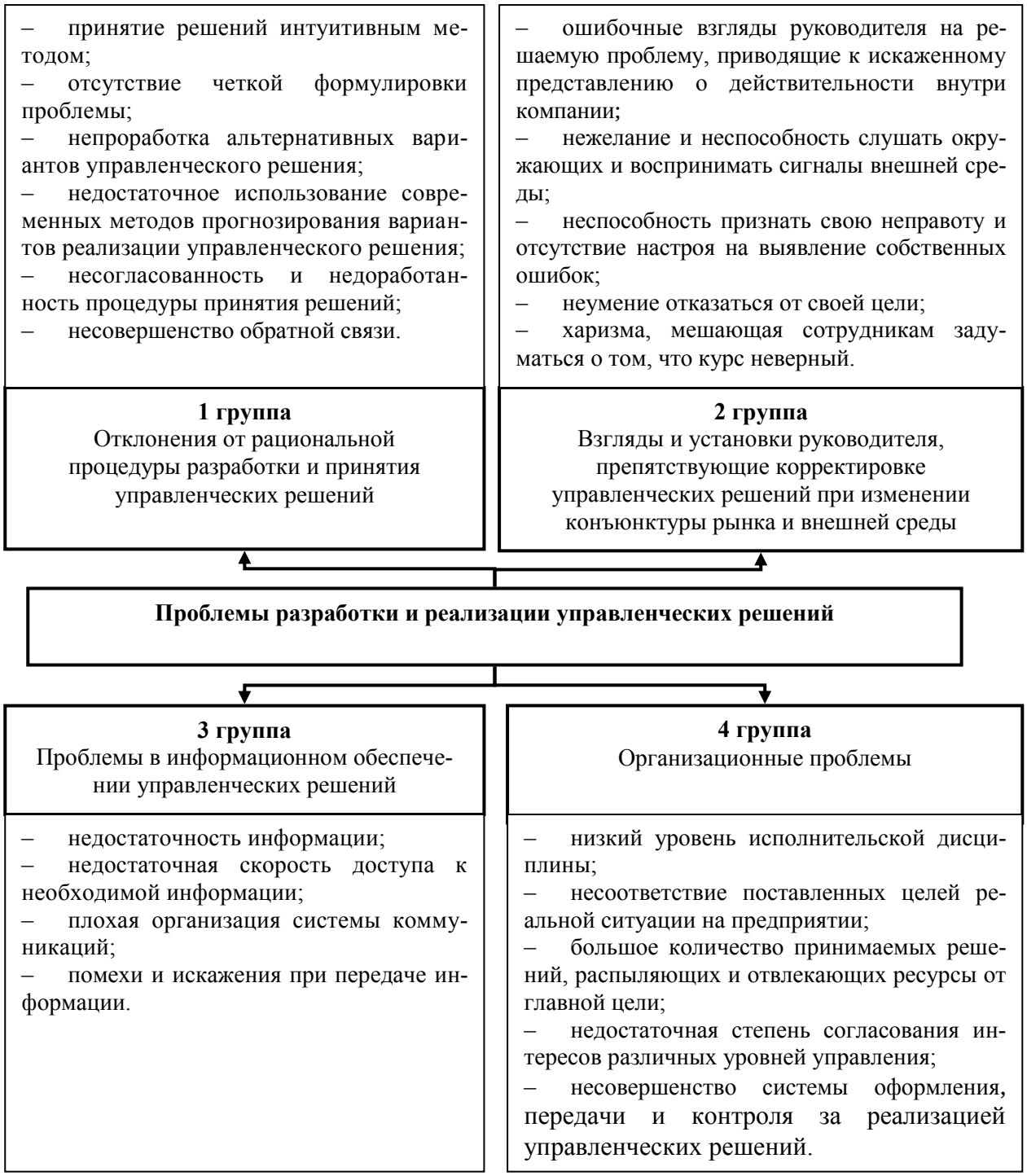


Рис. 2. Классификация проблем разработки, принятия и реализации управленческих решений в предпринимательских структурах

Таким образом, алгоритм принятия управленческого решения включает в себя различные стадии – от постановки проблемы до контроля за реализацией и исполнением управленческого решения. На отдельных стадиях принятия любого управленческого решения возникает ряд проблем различного характера, будь то проблема информационного обеспечения, ошибочные взгляды руководителя о решаемой проблеме, недостаточная степень согласования интересов различных уровней управления и т. д. В решении названных проблем значительную роль играет работа юридической службы организации, то есть правовое обеспечение и регулирования процесса принятия управленческих решений.

А. А. Попова

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В основе конституционного строя России Конституция РФ, принятая на всенародном референдуме в 1993 году, закрепляет принцип разделения властей. Тем самым судебная власть как самостоятельная ветвь государственной власти получила более широкую сферу воздействия на общественные отношения, которая не ограничивается теперь только осуществлением правосудия.

Проблема функционирования института судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве в настоящее время остается одной из самых актуальных. В частности, уделяется внимание генезису суда в досудебных стадиях в дореволюционное время, в первые и последующие годы советской власти. Многие теоретики пытались выявить юридическую сущность нового направления деятельности суда. Ведь до наделения суда функциями контроля правосудие понималось лишь как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу. Достаточно глубоко исследуются вопросы применения мер пресечения, проведения следственных действий, обжалование действий и решений органов предварительного расследования, а так же разрабатываются практические рекомендации органам предварительного расследования и суду. В настоящее время все еще существует проблема законодательного совершенствования механизма осуществления судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве. Таким образом, система судебного контроля все еще активно развивается, а значит, ее изучение является объективно необходимым.

Прежде чем рассматривать формы судебного контроля, необходимо обратиться к понятийному аппарату. Термин «контроль» в научной и практической деятельности употребляется достаточно часто. В толковом словаре В. И. Даля понятие «контроль» определяется как проверка чего-либо. В словаре-справочнике по социальному управлению контроль определяется как проверка; наблюдение с целью проверки исполнения законов, постановлений, управленческих решений и т. п.

Термин «контроль» близок по значению с таким понятием как «надзор», в юридической науке нет четкого разграничения этих понятий, тем ни менее, можно выделить несколько различий в их содержании:

– судебный контроль представляет собой выполнение каких-то проверочных полномочий, в то время как надзор – это постоянно осуществляемая деятельность субъекта;

– контроль может осуществляться внутри системы, а надзор осуществляется «извне»;

– в ходе контроля, осуществляющий его субъект берет на себя ответственность за принимаемые им решения, в ходе надзора этого не происходит;

– субъект контроля, как правило, не может самостоятельно отменять незаконные и необоснованные решения, поэтому ему необходимо обращаться к субъекту надзора, надзор же не ставит пред собой задачу исправления нарушения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что надзор выявляет нарушения, а контроль устраняет их.

Судебный контроль в силу присущих ему правовых свойств (признаков) является самостоятельной, особой (процессуальной) формой осуществления правосудия в сфере уголовного судопроизводства России. На досудебном этапе производства по уголовному делу он преследует те же цели, которые стоят перед правосудием в суде первой инстанции. Как правосудие (в суде первой инстанции), так и судебный контроль объективно (по форме и существу) связаны с разрешением спора о праве, ибо разрешение спора сторон о праве на ограничение конституционных прав личности есть спор о наличии (достаточных) фактических и правовых оснований для этого, оценить и проверить которые – конституционная обязанность суда в рамках реализации той или иной формы судебного контроля, предусмотренной нормами УПК РФ.

Основной целью судебного контроля является судебная защита прав, свобод и законных интересов личности, государства и общества, обеспечение законности и правопорядка в

стране. Таким образом, и для судебного контроля приоритетным направлением деятельности является реализация именно правозащитной функции, что соответствует ст. 2, 18, 46, 52, 118 Конституции РФ, а также роли и назначению суда в правовом государстве.

Анализируя законодательство и практику принятия судом решений о производстве следственных действий, можно сделать вывод, что передача полномочий по контролю за принятием решений о производстве следственных действий от прокурора суду никак не повысила эффективность защиты личности в уголовном процессе. Об этом свидетельствуют статистические данные, показывающие, что практически все ходатайства следователя и дознавателя судами РФ удовлетворяются. Все это говорит о том, что уровень защиты прав личности в связи с передачей суду полномочий, ранее принадлежавших прокурору, не повысился. А вот имидж суда как беспристрастного арбитра, осуществляющего только правосудие, статьей 165 УПК РФ поставлен под сомнение. Во-первых, судебная власть используется в этих случаях в отсутствие правового спора. Во-вторых, сама деятельность, которой занимается судья в рамках ст. 165 УПК, противоречит тому положению, которое отведено ему в уголовном процессе, ибо принимая решения о производстве следственных действий, он тем самым участвует в уголовном преследовании. В-третьих, процедура рассмотрения ходатайств не соответствует процессу отправления правосудия, ибо в ней принимает участие, да и то по своему усмотрению, только сторона обвинения. Следовательно, ни о какой справедливости, состязательности и равноправии применительно к процедуре, предусмотренной ст. 165 УПК РФ, вести речь нельзя? Все эти условия в данной процедуре отсутствуют, поскольку она носит тайный характер для стороны, чьи права тем или иным образом могут быть затронуты судебным решением. Изменить это положение невозможно, ибо следственные действия проводятся в условиях внезапности и конфиденциальности. В таких условиях не только участие в суде, но и уведомление о процессе лиц, права которых могут быть затронуты при положительном разрешении ходатайства, исключаются. Следовательно, нынешняя процедура рассмотрения судьей ходатайств о производстве следственных и иных процессуальных действий фактически ничем не отличается от существовавшей ранее процедуры санкционирования прокурором решений следователя, дознавателя. В ней поменялось лишь одно должностное лицо. И только поэтому считать ее более эффективным средством защиты прав и свобод человека и гражданина по сравнению с прокурорским контролем нет никаких оснований. Наоборот, решения прокурора о даче или отказе в даче санкций были более обоснованными, ибо это должностное лицо в силу своих служебных обязанностей находилось в курсе обстоятельств расследуемых уголовных дел. К тому же тайность – условие вовсе не судебной, а следственной деятельности. Поэтому процедура санкционирования прокурором решений следователя, дознавателя органически вписывалась в это условие. Условием же судебной деятельности, наоборот, является гласность (ст. 241 УПК РФ). И только в определенных случаях судебный процесс происходит в закрытом режиме (ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Но закрытый процесс – это не тайный, ибо не лишает лиц, имеющих свой или представляемый интерес в деле, прав на участие в судебном заседании и отстаивание в нем своих интересов. Так что и с этой позиции порядок рассмотрения ходатайств, установленный ст. 165 УПК РФ, противоречит сущности судебной деятельности, является для нее инородным, так как не соответствует основным условиям судебного разбирательства.

Исходя из вышесказанного, следует лишить суд полномочий, предусмотренных ст. 165 УПК, оставив за ним лишь принятие решений о производстве только выемки почтово-телеграфных отправлений, контроля и записи телефонных и иных переговоров, так как порядок этот прописан в Конституции РФ. Решение о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, а также решение об отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности должно приниматься судом в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ; предварительный и последующий контроль решений о производстве всех иных следственных и процессуальных действий следует передать (возвратить) прокурору.

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ

За прошедшее с момента выхода предыдущего номера журнала «Мы и право» время Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России осуществлено следующее.

5 апреля студенты юридического факультета Волгоградского гуманитарного института очной и заочной формы обучения посетили с экскурсией Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Юрисконсульт Отделения Роман Уланов рассказал собравшимся об истории и направлениях деятельности Ассоциации юристов России и ее Волгоградского отделения, а также провел для будущих юристов мастер-класс по оказанию юридической помощи в Центре бесплатной юридической помощи Отделения.

10 апреля заместитель Председателя Совета Волгоградского регионального отделения О. А. Коробов и член Отделения А. Ю. Белоножкин приняли участие в семинаре «Вопросы компетенции третейского суда в свете реформы системы третейского разбирательства в РФ», который проводился Волгоградской торгово-промышленной палатой совместно с Арбитражным судом Волгоградской области в рамках соглашения о сотрудничестве. А. Ю. Белоножкин выступил с докладом по теме семинара.

С декабря 2013 года по апрель 2014 года в Волгоградском гуманитарном институте при поддержке Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России проходили правовые дебаты, посвященные 20-летию Конституции Российской Федерации, для обучающихся выпускных классов общеобразовательных школ Волгограда.

Участники дебатов в командных и индивидуальных поединках должны были продемонстрировать свое знание Конституции России. Поединки включали анализ командами ситуаций на правовую тематику, вопросы о правовом статусе человека и гражданина, закрепленном в Конституции Российской Федерации, с использованием фрагментов из популярных мультфильмов и сюжетов литературных произведений и другие задания.

Активную работу и ответы участников оценивало жюри из представителей ректората Института и Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

По итогам мероприятия участникам дебатов были вручены дипломы и памятные подарки от организаторов. Ребята, показавшие наиболее высокий уровень знаний в индивидуальных поединках, стали обладателями сертификатов на обучение в Волгоградском гуманитарном институте.

За весь период было проведено 11 мероприятий, в которых приняли участие более 600 учащихся.

При поддержке Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России выпущена коллективная монография в двух томах «Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты».

Подведены итоги работы передвижного пункта по оказанию бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

В ходе выездного консультирования, проходившего с 19 по 30 мая 2014 года в 10 районах Волгоградской области (Дубовский, Камышинский, Котовский, Жирновский, Руднянский, Николаевский, Палласовский, Старополтавский, Быковский, Ленинский), юридическую помощь получили около 200 человек.

Наибольшее количество обращений поступило по вопросам жилищного, трудового и земельного права, а также социального обеспечения.

Выпущен сборник статей по итогам III Международной конференции по проблемам правового воспитания и просвещения детей, которая состоялась в Волгограде 25 декабря 2013 года.

Организаторами конференции выступили Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области, Общественная палата Волгоградской области и НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт».

10 июня состоялось заседание Совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

В ходе заседания в члены Ассоциации юристов России были приняты представители юридического сообщества г. Фролово Волгоградской области: Дмитрий Анатольевич Акимов, Дмитрий Михайлович Беляевсков, Евгения Александровна Бравичева, Сергей Кириллович Грек, Виктор Анатольевич Илясов, Валерий Петрович Клименко, Лариса Леонидовна Медведева, Степан Федорович Коньков.

Членами Совета принято решение о создании межмуниципального местного отделения Ассоциации юристов России на территории городского округа город Фролово Волгоградской области и Фроловского муниципального района и о назначении председателем вновь созданного местного отделения Виктора Анатольевича Илясова сроком на 2 года.

В рамках заседания также принято решение об аккредитации юридической клиники Волжского гуманитарного института (филиала) ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» в качестве центра бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Помимо перечисленных вопросов члены Совета обсудили ход реализации положений плана работы Отделения на текущий год.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

На вопросы отвечает консультант центра бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Р. Б. Уланов.

Я состояла в браке со своим супругом в течение девятнадцати лет. Брак между нами расторгнут шесть лет назад по решению суда, так как у нас есть несовершеннолетний сын. Во время брака нами был куплено домовладение с земельным участком. Это имущество мы зарегистрировали на мужа. После расторжения брака я с сыном продолжаю жить в этом доме, выращиваю овощи на земельном участке, оплачиваю коммунальные услуги. Бывший муж постоянно говорит мне о том, что этот дом и земельный участок принадлежит ему, и он может в любое время выгнать меня на «улицу», так как я пропустила трехлетний срок для раздела имущества. Так ли это, или же я могу претендовать на долю в общем имуществе?

Согласно ч. 7 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации к требованиям супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности.

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» судам дано разъяснение, что течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Таким образом, Вы не пропустили срок исковой давности, так как продолжаете пользоваться домом и земельным участком и можете сейчас заявить в суд требования о разделе этого общего имущества.

Я являюсь собственником земельного пая, который был мне предоставлен еще в девяностых годах при распаде нашего колхоза. Сейчас я и другие пайщики передали в аренду свои паи фермерскому хозяйству. Кому я могу продать свой земельный пай и можно ли это сделать, не расторгая договор аренды?

В статье 12 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» законодателем закреплены особенности совершения сделок с долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения.

Согласно этой статье к сделкам, совершаемым с долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, применяются правила Гражданского кодекса Российской Федерации. В случае если число участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения превышает пять, правила Гражданского кодекса Российской Федерации применяются с учетом особенностей, установленных настоящей статьей, а также ст. 13 и 14 настоящего Федерального закона.

Без выделения земельного участка в счет земельной доли такой участник долевой собственности по своему усмотрению вправе завещать свою земельную долю, отказаться от права собственности на земельную долю, внести ее в уставный (складочный) капитал сельскохозяйственной организации, использующей земельный участок, находящийся в долевой собственности, или передать свою земельную долю в доверительное управление либо продать или подарить ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующему земельный участок, находящийся в долевой собственности. Участник долевой собственности вправе распорядиться земельной долей по своему усмотрению иным образом только после выделения земельного участка в счет земельной доли.

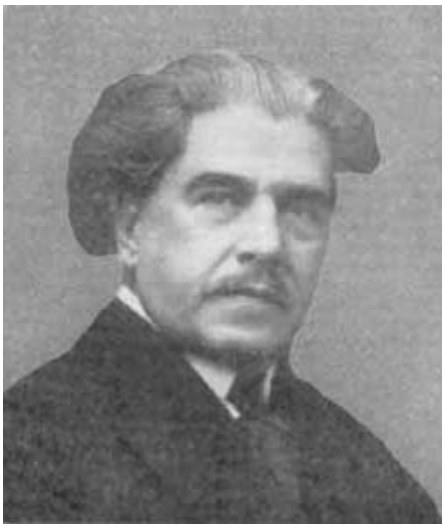
Передача земельной доли в уставный (складочный) капитал сельскохозяйственной организации, использующей земельный участок, находящийся в долевой собственности, в доверительное управление, завещание, отказ от права собственности на земельную долю или выделение земельного участка в счет земельной доли осуществляется на основании документов, удостоверяющих право на земельную долю в соответствии со ст. 18 настоящего Федерального закона, без государственной регистрации возникшего в результате приватизации сельскохозяйственных угодий права на земельную долю.

В случае если участник долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения продает свою земельную долю без выделения земельного участка в счет своей земельной доли другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности, извещать других участников долевой собственности о намерении продать свою земельную долю не требуется.

Предусмотренные настоящей статьей сделки с земельными долями могут осуществляться на основании доверенности, выданной участником долевой собственности другому участнику долевой собственности или иному лицу и удостоверенной должностным лицом органа местного самоуправления или удостоверенной нотариально.

В случае перехода права собственности на земельную долю к другому лицу внесение изменений в договор аренды земельного участка, в составе которого находится такая земельная доля, не требуется.

Таким образом, продать свой земельный пай Вы можете другому пайщику (участнику долевой собственности), а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности, не расторгая договор аренды.



КАРАБЧЕВСКИЙ НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ (1851–1925)

В блистательном ряду адвокатов «первого призыва» одно из главных мест принадлежит Николаю Платоновичу Карабчевскому. Впервые он заявил о себе еще в 1877 году на процессе «193-х», а в 80-е годы был уже знаменит. Даже в начале XX века, когда выдающиеся адвокаты большей частью отступили на второй план, Карабчевский оставался звездою первой величины. Имя Н. П. Карабчевского почти 40 лет кряду гремело по всей России.

Родился он 30 ноября 1851 года в военном поселении под Николаевом Херсонской губернии. Его мать – Любовь Петровна Богданович – вышла из рода украинских помещиков, а отец – Платон Михайлович – был дворянином, полковником, командиром уланского полка.

Николаю Платоновичу было всего полтора года, когда умер его отец.

До 12-летнего возраста будущий адвокат воспитывался дома гувернанткой-француженкой и бонной-англичанкой, что помогло ему уже в детстве овладеть французским и, несколько хуже, английским языками.

В 1863 году он был принят в Николаевскую гимназию особого типа, окончил ее с серебряной медалью и в 1869 году стал студентом Петербургского университета. Но он поступил не на юридический, а на естественный факультет.

Будучи по характеру любознательным и активным, Карабчевский ходил на лекции к профессорам разных факультетов, причем наибольшее впечатление произвели на него юристы.

Впоследствии Карабчевский перешел на юридический факультет. Впрочем, сделано было это уже после того, как на первом курсе он принял участие в студенческих беспорядках, отбыл трехнедельный арест и тем самым резко осложнил и ограничил себе выбор профессии. Блестяще окончив (весной 1874 года) юридический факультет столичного университета, Карабчевский узнал: государственная, чиновничья карьера юриста перед ним закрыта.

Обдумав возможные варианты своей судьбы, Карабчевский решил стать... писателем. Он сочинил и отправил в «Отечественные записки» пятиактную драму «Жертва брака». Кончилось тем, что рукопись вернули автору за ненадобностью, и он решил раз и навсегда отказаться от писательской карьеры. Только теперь он пришел к выводу: не остается ничего, кроме адвокатуры.

В декабре 1874 года Карабчевский записался помощником присяжного поверенного к А. А. Ольхину, от него перешел в качестве помощника к А. Л. Боровиковскому и затем к Е. И. Утину. Под патронатом этих трех популярных адвокатов он быстро показал себя их достойным партнером.

На процессе «193-х», где был представлен почти весь цвет российской адвокатуры, 26-летний Карабчевский, пока еще помощник присяжного поверенного, выступал уже рука об руку с такими классиками судебного красноречия и политической защиты, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, Д. В. Стасов, В. Н. Герард, П. А. Потехин, Е. И. Утин, А. Я. Пассовер и др.

К тому времени Карабчевский вполне освоился в адвокатуре, нашел в ней свое призвание и отныне превыше всего ставил долг и честь присяжного поверенного.

Он оказался юристом и судебным оратором по призванию, «адвокатом от пяток до маковки». В нем почти идеально сочетались самые выигрышные для адвоката качества. Высокий, статный, импозантный, с внешностью римского патриция, красивый Карабчевский отличался правовой эрудицией, даром слова и логического мышления, находчивостью, силой характера, темпераментом бойца.

Карабчевский держался правила: вся деятельность судебного оратора – деятельность боевая. Он мог заявить прямо на суде, что в его лице защита пришла бороться с обвинением. Главная его сила и заключалась в умении опровергнуть даже, казалось бы, неоспоримую аргументацию противника.

Карабчевский чуть ли не первым из адвокатов понял, что нельзя полагаться только на эффект защитительной речи, ибо мнение суда, в особенности присяжных заседателей, слагается еще до начала прений сторон, а поэтому выявлял свой взгляд на спорные пункты дела еще при допросе свидетелей. Допрашивать свидетелей он умел, как никто.

Судьи и прокуроры, зная об этом умении Карабчевского, пытались заранее отвести или, по крайней мере, нейтрализовать его вопросы, но он решительно, хотя и в рамках своей правомочности, отражал такие попытки.

Ораторская манера Карабчевского была своеобразной и привлекательной. Он никогда не принадлежал к «пишущим» ораторам, каковыми были, например, В. Д. Спасович или С. А. Андреевский. Подобно Ф. Н. Плевако, П. А. Александрову, А. Ф. Кони, он не писал заранее тексты своих речей.

Критики Карабчевского находили, что в его красноречии «больше голоса, чем слов», «сила пафоса» вредит «ясности стиля», встречаются рассуждения «без всякой системы», поэтому на бумаге речи его «не звучат». Эти упреки не совсем справедливы. Речи Карабчевского хорошо «звучат» и на бумаге: в них есть и пластичность, и образность.

Вот концовка речи 1901 года за пересмотр дела Александра Тальма, осужденного в 1895 году на 15 лет каторги по обвинению в убийстве: «Господа сенаторы, из всех ужасов, доступных нашему воображению, самый большой ужас – быть заживо погребенным. Этот ужас здесь налицо... Тальма похоронен, но он жив. Он стучится в крышку своего гроба, ее надо открыть!». Разумеется, живая речь Карабчевского, соединенная с обаянием его голоса, темперамента, внешности, звучала и воздействовала гораздо сильнее.

Особенно выдаются его речи по политическим делам: Гершуни и Сазонова. Речь по делу Сазонова переведена на французский язык и помещена в «Revue des grands proces» за 1905 год.

Всероссийское признание Карабчевский завоевывал не только талантом, но и подвижническим трудом. Мало кто из адвокатов России мог сравниться с ним по числу судебных процессов (уголовных и политических), в которых он принял участие. Может быть, поэтому Николай Платонович поздно (лишь в 1895 году) был избран членом Петербургского совета присяжных поверенных, войдя таким образом в круг, как тогда говорили, «светских генералов».

Едва ли хоть один адвокат в России так влиял на судебные приговоры по уголовным и политическим делам, как это удавалось Карабчевскому. Он добился оправдания почти безнадежно уличенных в убийстве Ольги Палем в 1895 году и братьев Скитских в 1900 году, предрешил оправдательные приговоры по Мултанскому делу 1896 года и делу М. Т. Бейлиса 1913 года. Осужденному в 1904 году на смертную казнь Г. А. Гершуни царь заменил виселицу

каторгой не без воздействия искусной защиты Карабчевского, а Е. С. Созонов (убийца могущественного царского сатрапа В. К. Плеве) в том же 1904 году не был даже приговорен к смерти, «отделавшись» каторгой. Сам Карабчевский гордился тем, что ни один из его подзащитных не был казнен.

Карабчевский всегда изо всех своих сил, казавшихся порой беспредельными, боролся против любого обвинения до тех пор, пока сохранялось хотя бы малейшее сомнение в его доказанности.

Богата и общественная деятельность Николая Платоновича. Он был одним из учредителей газеты «Право» (1898–1917), учредителем благотворительного фонда для молодых адвокатов (1904), одним из создателей Всероссийского союза адвокатов (1905), председателем Петербургского совета присяжных поверенных (1913), председателем комиссии по расследованию германских зверств во время Первой мировой войны (1915).

По предложению Керенского чуть Карабчевский было не стал сенатором, но отказался от кресла в марте 1917 года со словами: «Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, кто я есть, – адвокатом».

Судьбу Карабчевского можно было бы признать счастливой, если бы конец его жизни не был столь горьким. Он не принял Октябрьскую революцию. В 1917 выехал в скандинавские страны для сбора сведений о положении русских военнопленных. Остался в эмиграции. Жил в Италии. Остаток своих лет провел не у дел на чужбине. Умер он 6 декабря 1925 года в Риме и похоронен там, как свидетельствовал очевидец три года спустя, на полузаброшенном кладбище.

Творческое наследие Карабчевского чрезвычайно богато. Он известен не только как судебный деятель, но и как писатель. Николай Платонович не стал профессиональным литератором, но присущая ему с юных лет тяга к художественному творчеству находила выход в разных жанрах, которыми он занимался между дел, на досуге, причем искусно.

Самое значительное произведение Карабчевского – роман «Господин Арсков» (1893). Роман, как и рассказы «Свидание» (1889), «Приподнятая завеса» (1892) – это, как писал позднее Карабчевский, плоды «часов глубоко пессимистического раздумья, идеи о самоубийстве». В прозе Карабчевского чувствуется влияние идей Л. Н. Толстого. Герой романа «Господин Арсков» – молодой преуспевающий инженер, который уже не может оправдать свою «языческую жизнь», поскольку в ней забыт главный человеческий долг – «все преодолевающая любовь к ближнему», собирается уехать в деревню и в конце концов кончает с собой. Свою поэзию (в традициях С. Я. Надсона и П. Ф. Якубовича) и беллетристические произведения Карабчевский объединяет в сборнике «Приподнятая завеса» (1905).

После 1905 года Карабчевский отошел от литературной работы и возобновил ее лишь в эмиграции. В 1-м томе мемуаров «Что глаза мои видели в детстве» (Берлин, 1921) идиллическая картина жизни в уездном городе противопоставлена буре революций и катаклизмов, потрясших Россию в начале XX века. Политическому и этическому анализу этих событий посвящен 2-й том – «Революция в России» (Берлин, 1921). В этой книге, написанной в 1918 году, развиваются две основные темы: разоблачение русской интеллигенции, которую Карабчевский называет «залежалой тряпицей» и считает главной виновницей «еврейской революции», и идея нового монарха («царь скрепляет все»).

Из юридических трудов Карабчевского можно отметить опубликованные речи, статьи, очерки, воспоминания самого Николая Платоновича «Около правосудия» (1908); «Мирные пленники» (1915); «Речи» (1916).

Статья подготовлена и. о. руководителя аппарата Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Р. Б. Улановым на основе материалов, расположенных в сети «Интернет» адресу: http://www.ukradvocat.org.ua/dosje/vidayushiesia-yuristi/76-2010-04-06-10-40-30.html.

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ

Как уже отмечалось в предыдущих номерах нашего журнала, он издается не только для юристов, ученых-правоведов и других специалистов в области юриспруденции, но и для широкого круга читателей с целью повышения правовой культуры населения и преодоления правового нигилизма.

В данном разделе мы продолжаем публикацию книги А. Лопатиной и М. Скребцовой «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах».

ДЕТИ И ВОРОВСТВО

После больницы Кант хотел прийти в школу первым, но в классе уже сидел Петька.

– Привет, Петь,– поздоровался Кант. – Слушай, отгадай: если человек оступился, надо его прибить и в яму закопать, или простить и дать ему шанс начать новую жизнь?

Петька пожал плечами и ничего не сказал.

– Чего это с тобой? – удивился Кант. Он ожидал, что Петька будет скакать козлом, изображая, как Кант на свадьбе гулял.

– Ничего. У тебя случайно нет денег? До зарезу надо. В спорттовары хоккейные клюшки привезли. Выручай, две тысячи надо, – Петька умоляюще посмотрел на Канта.

– Ничего себе, – присвистнул Кант. – Зачем тебе такая дорогая клюшка? У тебя же есть.

– Ничего ты не понимаешь, – вздохнул Петька, – у меня самоделка, а это настоящая.

На всех уроках Петька сидел задумчивый, а на переменках приставал к ребятам с просьбой одолжить денег, но безрезультатно.

После школы к Канту неожиданно завился Борька и с порога сказал:

– Помощь нужна. Я сегодня маме лекарство должен был выкупить. Оно дорогое – три тысячи стоит. Я утром взял деньги, а в школе они пропали. И дома больше нет.

– У нас тоже нет, маме зарплату задерживают, – сказал Кант и вдруг вспомнил:

– Слушай, это Петька свистнул, на клюшку свою. Пошли, он обязан вернуть деньги.

В приюте Кант прижал Петьку к стене и грозно спросил:

– Слушай, ты совсем обалдел. Своровал у Борьки последние деньги на лекарство матери!

Все замерли. Когда Кант объяснил, в чем дело, ребята обступили Петьку кольцом.

– Не брал я ничего, – плаксиво крикнул Петька, выворачивая карманы. – Можете мою комнату обыскать. Да и клюшек в спорттоварах больше нет – только две штуки было.

– Ребята, не волнуйтесь, Петя вернет, если взял, – сказала директор Ольга Петровна.

– Мне же лекарство срочно выкупить надо, – чуть не плакал Борька.

– Хорошо, Боря, я дам тебе три тысячи рублей, раз тебе срочно надо. Надеюсь, что деньги найдутся, – сказала Ольга Петрова и протянула Борьке деньги.

– Вот спасибочки, я отдам. Честное слово, отдам. Мама получит пенсию, или отец пришлет, и я сразу отдам, – обрадовался Борька и убежал.

На следующий день Кант решил провести следствие и найти вора, но Борька объявил:

– Вы это, простите меня. Я, наверное, потерял деньги. Я перед школой в магазин заходил, спешил, вот и потерял.

Прошло время, и история с пропажей денег забылась. Только Петька погрустнел. Он больше не веселил ребят своими шуточками. Однажды на большой перемене Кант подошел к Петьке и спросил:

– Слушай, чего ты из-за клюшки так переживаешь?

– Отвали, ты все равно ничего не понимаешь, – огрызнулся Петька.

– Слушай, Петь, а давай мы тебе купим новую клюшку. Скинемся с ребятами и купим.

– Да, отцепись ты, не нужна мне никакая клюшка, – тоскливо ответил Петька

Но Кант уже с воодушевлением начал рассказывать:

– Слушай, это будет волшебная клюшка. С ее помощью ты все голы забьешь. Ты будешь капитан команды, и вас пригласят на соревнования детских хоккейных дворовых команд. В последнем матче за первенство счет будет 1:1. За несколько секунд до конца матча шайба попадет к тебе.

– Я как вдарю, – перебил Петька со сверкающими глазами. – Ворота в сторону, у вратаря травма, но мы станем чемпионами. Потом все будут меня бояться.

– Слушай, я не так хотел рассказать, но пусть будет так. Только с кем ты будешь играть в хоккей, если все бояться тебя будут?

– Если не захотят играть, не очень то и надо, – гордо ответил Петька.

– Нет, так не годится, – заметил Кант и стал рассказывать дальше:

– Ну, твоя волшебная клюшка стала думать: «Как помочь моему хозяину стать знаменитым хоккеистом». Решила она полететь ко Льву Яшину и спросить у него.

– Во даешь! – воскликнул Петька, – Лев Яшин был лучший вратарь мира, но он давно умер. Пусть будет Владислав Третьяк.

– Ладно, прилетела клюшка к Владиславу Третьяку и спрашивает:

– Что делать, Владислав? Как помочь моему другу Петьке стать знаменитым?

– Если он будет, как Лев Яшин, он станет знаменитым, – ответит Третьяк.

– Ты знаешь, Петька, какой был Лев Яшин? – спросил Кант.

– Это каждый знает. Он был очень смелым, и всегда помогал товарищам. Он был быстрым, прыгучим и упорным. Тренировался до упаду.

– Тогда все ясно, клюшку мы тебе купим, ты станешь, как Лев Яшин и такой же знаменитый, – закончил Кант радостно, видя, что Петька улыбается.

Но на следующей перемене Петька снова сидел, нахохлившись, вместо того, чтобы носиться по классу. А после уроков подошел к Канту и угрюмо сказал:

– Пошли, что-то покажу.

Он привел Канта в сарай на пустыре за приютом и достал из-под хлама длинный сверток. Когда мальчик размотал тряпки, Кант увидел новую клюшку.

– Помнишь, та самая. Я тогда все-таки взял деньги у Борьки.

– Так выходит, новая клюшка у тебя есть? – растерянно спросил Кант.

– А что толку!! Я не могу ей играть. Сначала должен деньги вернуть. Я уже скопил немного, мне дядька пятьсот рублей каждый месяц присылает. Еще я хотел бутылки собирать, но из приюта не отпускают, сам знаешь.

– Слушай, надо Борьке сказать, – предложил Кант.

– Чтобы Борька всем рассказал, каков я гусь. Вот отдам деньги, тогда скажу, – сердито ответил Петька.

– Борька никому ничего не расскажет, пошли к нему, – уверенно заявил Кант.

Вопросы

- *Как вы думаете, как закончилась история с клюшкой и с украденными деньгами?*
- *Как вы поступаете, если вам что-то нужно, но никто не может вам это купить?*
- *Почему Петька не мог пользоваться новой клюшкой?*
- *Почему так трудно признаться во лжи или дурном поступке?*
- *Как бы вы поступили, если бы точно знали, что ваш товарищ украл что-то?*
- *С какого возраста дети несут уголовную ответственность за свои поступки?*

С 14 лет дети подлежат уголовной ответственности за некоторые преступления:

- *убийство;*
- *кража, разбой, вымогательство;*
- *умышленное причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью;*
- *похищение человека, насильственные действия сексуального характера.*

Письменная работа

Найдите в справочной литературе или в интернете, как борются с воровством в разных странах и напишите об этом эссе.

Сценка «На воре шапка горит»

Дети делятся на группы по несколько человек и разыгрывают сценку на тему пословицы «На воре шапка горит».

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Весеннее солнце било в стекло, и уроки тянулись бесконечно. Как только закончился последний урок, мальчишки рванули к двери, на ходу запихивая учебники и тетради в рюкзаки. Две модницы Наташа и Настя аккуратно сложили свои сумочки и, весело болтая, пошли к двери. Только несчастная Оля, уткнувшись носом в парту, всхлипывала из-за двойки.

Ее соседка по парте Аня Голубкина предложила:

– Чего ты так … из-за какого-то стихотворения? Хочешь, помогу выучить?

– Плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин, – засмеялась Наташа, проходя мимо.

– Дурочка с косой, – подхватила Настя и больно дернула Олю за толстую косу.

– А еще подруги называются! – всхлипнула Оля.

– Раньше носить косы считалось красиво, – тихо сказала Аня. – Мне бабушка Ирина в библиотеке журнал по искусству дала. Там есть портрет одной красавицы с косой, на ней князь женился. Бабушка Ирина сказала, что я очень на нее похожа. Хочешь, покажу.

– Не хочу, я косу все равно обстригу, – ответила Оля, вытирая слезы.

Тут в класс вошла Нина Сергеевна и объявила:

– Ребята, внимание! К нам приехал режиссер. Он ищет героиню для фильма о современных детях.

Класс забурлил. Группа девочек собралась возле Наташи и Насти. Оля тоже подошла к ним.

– Настя, если возьмешь меня на съемки, я тебе свои ролики отдам, – услышала Аня голос Оли.

Тут в класс вошел молодой парень в потертых джинсах. Все с шумом расселись по местам.

– Познакомьтесь. Это режиссер с телевиденья, Михаил Александрович, – торжественно начала Нина Сергеевна.

– Просто Миша, я пока еще помощник режиссера.

– Михаил ищет для фильма современную героиню, – объявила учительница.

– У нас даже две современные героини есть – Наташа и Настя! – выкрикнул кто-то.

– Сначала я хочу познакомиться со всеми. Сделаем так: выложите на столы из портфелей все, что не связано с уроками. Я пройду по рядам, и вы мне об этих вещах расскажите, – предложил Михаил.

– А пирожки тоже нужно выложить? – спросил Борька.

– Все, что не связано с уроками, – повторил помощник режиссера.

– Ну да, я рогатку три дня делал, а ее тут же конфискуют, – крикнул Петька.

– Даю слово, что никто ничего не конфискует, – пообещал Михаил, но учительница погрозила Петьке пальцем.

Ребята дружно принялись извлекать из портфелей их тайное содержимое. Больше всего интересных вещей оказалось, конечно, у двух модниц: наклейки, жвачки, модные журналы, косметика. Остальные девочки с завистью смотрели на их богатство.

– Мама может мне любое модное платье сшить, – сообщила Наташа режиссеру.

Аня вытащила из портфеля толстый журнал, и Михаил подошел к ней.

– Интересно, зачем ты принесла этот журнал? – спросил Михаил.

– Она его вместо кирпичей таскает для упражнения мышц, – крикнул Петька, и все засмеялись.

Аня покраснела, а Борька громко сказал:

– Зря ты помогаешь этому Петьке задачки решать.

– Расскажи, пожалуйста, о своем журнале, – попросил помощник режиссера.

– Этот журнал по искусству мне бабушка Ирина дала, наша библиотекарша. Там есть портрет девушки с косой, похожей на меня. Я хочу сказать, что коса – это красиво, – объяснила Анечка.

– Коса – это не модно, а современная героиня обязана быть модной, – вставила Настя.

– Интересная точка зрения, – хмыкнул Михаил, – а какой еще обязана быть современная героиня?

– Стильной, сногсшибательной, кокетливой, умной, – послышались ответы ребят.

– Я думаю, она должна помогать другим, – добавила Анечка.

– Ребята, поднимите руки, кому еще, кроме Канта, Аня помогает учиться? – спросил Михаил.

Ребята поднимали руки один за другим.

– Вы тоже поднимайте руки, вы же у Анечки сколько раз списывали домашнюю работу, – крикнул Кант двум модницам.

– Хорошо, ребята, спасибо, достаточно, – сказал Михаил. – Аня, я хотел бы договориться с твоими родителями, когда ты сможешь приехать на кинопробу.

– Так она приютская и для современной героини не подходит, – громко заявила Настя.

– Хорошо, тогда я заеду в приют, договорюсь с вашим начальством, – сказал Михаил, не обращая внимания на слова Насти, и спросил:

– Аня, а как твоя фамилия?

– Аня Голубкина.

– Этого не может быть! – воскликнул Михаил, изумленно уставившись на Аню.

Аня покраснела и стала нервно теребить косу.

– Ты точно Голубкина? – переспросил помощник режиссера.

– Девочка говорит правду, это Аня Голубкина. А в чем дело? – вмешалась Нина Сергеевна.

Михаила открыл портфель, и достал пачку растрепанной бумаги.

– Это сценарий фильма. Рабочее название «Найди мне маму». А главная героиня – Аня Голубкина.

– Этого не может быть! – заявила Нина Сергеевна, и весь класс встревоженно загудел.

– Вы понимаете, этот сценарий написала одна из самых популярных наших актрис, – стал объяснять Михаил. – Пока не скажу, кто, секрет. Она же будет играть в фильме мать. А ее потерянная дочь – Аня Голубкина. В прошлом году актрисе попался в руки бумажный самолетик. На нем было написано: «Найди мне маму. Аня Голубкина, 6 «Б» класс. Этот самолетик и заставил актрису написать сценарий фильма.

– Прямо детективная история! – воскликнул Борька.

– Анька, помнишь, я говорил, я говорил тебе, что голубка отнесет твой самолетик, куда надо, – радостно крикнул Кант.

Девочка молча кивнула головой. Щеки у Анечки пылали, и вдруг все увидели, какие у нее необыкновенно добрые серые глаза и венец пушистых волос над выпуклым лбом.

– Вот это да! Анька-то, оказывается, красавица!? – изумился Кант.

Вопросы

- *Почему помощник режиссера выбрал Аню для фильма?*
- *Как вы думаете, каким образом бумажный самолетик попал к актрисе?*
- *Сделайте бумажный самолетик, напишите на нем свою мечту и запустите его в небо.*
- *Что необходимо для того, чтобы ваши мечты сбывались?*
- *Почему скромница Аня показалась детям настоящей красавицей после того, как ее выбрал помощник режиссера?*

Письменная работа

Опишите ваш идеал современной героини или героя.

Сценка «Кто красивее»

Дети делятся на группы по несколько человек. В каждой группе выбирается один человек, который играет роль современного героя или героини. Остальные – описывают, почему он похож на современного героя или героиню, не называя при этом его имени и фамилии. Все должны угадать, о ком идет речь.

ЮРИСТЫ ШУТЯТ

Петров был слаб в арифметических вычислениях. И он списал у Ивановой. Парадокс заключается в том, что Иванова получила три, а Петров пять. Если учесть, что речь идет о годовом бухгалтерском отчете, то сроки вполне приемлемы.

Закон в пословицах и поговорках:
«Сила есть – ума не надо» – до трех лет общего режима.
«Насильно мил не будешь» – от семи до пятнадцати.
«Не пойман – не вор» – депутатская неприкосновенность.

Полиция повязала группу мошенников, продающих дипломы в метро. «Но нам пришлось их отпустить», – авторитетно заявил доктор юридических наук сержант Иванов.

Адвокатская контора «Смит, Смит, Смит и Браун». Заходит клиент. Он непременно хочет, чтобы его интересы представлял мистер Браун.
– Но почему не кто-нибудь из Смитов? – спрашивает секретарь.
– Этот Браун, должно быть, очень хитрый малый, раз ему удалось пролезть в такую тесную компанию.

Сотрудники полиции поняли, что преследуют невиновного человека, когда тот начал уходить от них по воде.

Госдума планирует принять закон, позволяющий закрывать газеты и прочие СМИ за несколько публикаций «заведомо ложных сведений». Где же теперь будут публиковать прогнозы погоды и гороскопы?

«До 20 лет с конфискацией имущества» – не пункт статьи в Уголовном кодексе, а краткое содержание договора ипотеки.

– Почему ты не заявляешь в полицию, что у тебя угнали машину?
– А я жду, когда воры ее отремонтируют и покрасят!

– Есть юристы знакомые толковые?
– Какое право интересует?
– Конфликты с работодателем – это какое право?
– Крепостное.

«И че?» – два слова, о которые разбиваются все доказательства.

– Алло! Алло! Доктор, помогите, я руку сломал!
– Простите, я доктор, но юридических наук – адвокат. Вы ошиблись, вам врач нужен.
– Я не ошибся! Я не себе сломал!

Идет заседание суда по установлению отцовства. Судья объявляет:

– Ввиду того, что предполагаемый отец ребенка от участия в экспертизе отказался, пробы генетического материала были взяты у его родителей, т. е. у бабушки и дедушки ребенка. Результаты экспертизы показали, что предполагаемая бабушка на самом деле является бабушкой ребенка, а предполагаемый дедушка – не является.

Пауза. Истерический женский голос в зале:

– Вася!.. Вася!.. Только без рук!.. Я все объясню!

Азарова Е. С. – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Белоножкин А. Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт».

Гурская С. Н. **–** соискатель ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации».

Мантула Р. И. – студент 3-го курса юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

Образцова М. В. – студентка 1-го курса юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Остапенко И. А. – ведущий специалист-эксперт (юрисконсульт) УПФР (ГУ) в Дзержинском районе г. Волгограда.

Перхутко А. В. – магистрант 6-го курса ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Попова А. А. – студентка 1-го курса юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Репкин М. Л. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Федосеев Е. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры экспертизы и управления недвижимостью ФБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет».

Чернышова О. С. – студентка 3-го курса юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

Шарова К. А. – соискатель ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВА

Азарова Е. С., Репкин М. Л.
Применение судебного усмотрения при оценке доказательств и обеспечении доказывания мерами уголовно-процессуального понуждения 2
Белоножкин А. Ю.
Понятие субъективного гражданского права 11
Гурская С. Н.
К вопросу о подсудности уголовных дел с участием присяжных заседателей 22
Остапенко И. А.
Еще раз к вопросу об административном процессе 30
Федосеев Е. Ю.
Исторические аспекты развития института несостоятельности (банкротства) юридических лиц в Российской Федерации 37
Шарова К. А.
Правовая основа государственной молодежной политики в Волгоградской области 41

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ

Мантула Р. И., Чернышова О. С.
Правовое просвещение учащихся как направление деятельности юридических клиник вузов 45
Образцова М. В.
Значение справедливости приговора как акта правосудия 48
Перхутко А. В.
Организационно-правовые аспекты процесса принятия управленческих решений 50
Попова А. А.
Судебный контроль в досудебном уголовном судопроизводстве 55

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ 57

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ 59

ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ 61

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ 64

ЮРИСТЫ ШУТЯТ 70

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 72

Директор издательства *М. О. Каррыев*
Редактор *И. А. Лавров*
Технический редактор *И. А. Лавров*

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 6,02. Тираж 1000 экз. Заказ_____.

Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Радуга».
400002 г. Волгоград, ул. Электролесовская, д. 64.